Бездомная собачка находит себе хозяев, бесприданница — жениха, незнамо кто — расчетливого убийцу, а я греюсь у этого чужого огня и благодарна.

В присутствии коня не страшно простонать: «Я влюблен в тебя, Россия, влюблен!»

Негодяи все время оставляют потожировые следы — и они обречены.

Он кубарем с кресла и такой: вы что себе позволяете? А я ему раз, и опять в лоб, креслом, пока шея не сломается.

Тут она говорит: вдумайся, чем ТЫ можешь испортить свою репутацию?

Смотреть это довольно тяжело. И пересматривать тоже. Особенно во второй раз. В третий. Четвертый. Пятый.

Дремучие шишкинские леса, ясноглазые арийские витязи и достоевские со свечками.

Но когда герои выходят перед полетом на Красную площадь и начинается песня «Я возьму этот большой мир», сердце все равно замирает.

Да не шутите вы про тех, кому и так хреново, шутите про тех, с кем шутить опасно. Такие шутки всегда в цене.

Похмельное смотрение — это важный жанр.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК О ЛИЧНОМ

24 ДЕКАБРЯ 2021
Коммерсантъ
№45
WEEKEND

Реклама ООО «Шисейдо (РУС)» *ОУН Ё КРАУН DOLCEGABBANABEAUTY.COM

DOLCE & GABBANA

ТУАЛЕТНАЯ ВОДА

#OWNYOURCROWN*

Содержание

Сокровенно говоря

Специальный выпуск о личном

8 **Автор особого назначения**
Мария Степанова о романах Татьяны Устиновой

10 **Смотреть как преступник**
Линор Горалик о сериале «Мыслить как преступник»

12 **Нас догонят**
Иван Давыдов о сериале «След»

14 **Немирные грезы**
Григорий Ревзин о борьбе со злом в ванне

16 **Соблазнение родиной**
Игорь Гулин о своей любви к группе «Любэ»

18 **Sehnsucht по родине**
Анна Толстова о Константине Васильеве

21 **Поездом, автобусом и инстаграмом**
Сергей Невский о своих любимых аккаунтах

22 **Надежда на невесомость**
Юрий Сапрыкин о своей любви ко всему про космос

24 **О себе нестыдном**
Дмитрий Быков о том, как он читает себя

26 **Да их тут тысячи!**
Ксения Букша о любви к мемам и анекдотам

28 **Смотреть запоем**
Елена Ванина о передаче «Давай поженимся!»

30 **Липкое полусладкое**
Полина Аронсон о том, как слушает Ирину Аллегрову

31 **Фабрика грез с вашим личным участием**
Тимофей Кулябин о том, в кого он стреляет

32 **Дожить до ручки**
Борис Филановский о новых перьях и старых играх

33 **Слова и дни**
Михаил Идов о том, как он решает кроссворды

34 **Полюбите нас тепленькими**
Максим Семеляк о том, как новая чувствительность отменила стыдное

36 **Неприличные удовольствия приличных людей**
Любимые произведения Джейн Остен, Льва Толстого, Стэнли Кубрика и других

НОВОГОДНЯЯ ЕДА

42 *Елена Чекалова* о хрустящем картофельном гратене и гранатовых перепелках

43 *Алексей Зимин* о клефтико

НОВОГОДНИЙ ЗВЕРЬ

46 *Ольга Волкова* о синем тигровом попугае

ВЛАДИМИР ЖЕЛОНКИН ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР АО «КОММЕРСАНТЪ», ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ «КОММЕРСАНТЪ»
ВАСИЛИЙ БИРЮКОВ ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК

ЕЛЕНА НУСИНОВА ШЕФ-РЕДАКТОР
ТАТЬЯНА ШИШКОВА ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ДАРЬЯ СМОЛЯНИНОВА ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОЛЬГА ФЕДЯНИНА РЕДАКТОР
ДАРЬЯ ТИМЧЕНКО ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

УЛЬЯНА ВОЛОХОВА, НИКИТА СОЛДАТОВ РЕСЕЧЕРЫ
МАРИНА ПРОХОРОВА, ВИКТОРИЯ МИХАЙЛЕНКО SHOPPING, BEAUTY

ТАТЬЯНА НАЗИНА МЕНЕДЖЕР ПРОЕКТА
НАТАЛЬЯ КОВТУН АССИСТЕНТ
ЕЛЕНА ВОЙНАЛОВИЧ КОРРЕКТОР
СЕРГЕЙ ШАПОВАЛОВ КОРРЕКТОР

МАРИЯ ЛОБАНОВА БИЛЬД-РЕДАКТОР
ВИКТОРИЯ МИХАЙЛЕНКО ФОТОРЕДАКТОР
ИГОРЬ КИРШИН ФОТОРЕДАКТОР
СВЕТЛАНА ЗАИКИНА ВЕРСТКА

ДИРЕКЦИЯ ПО РЕКЛАМЕ: ОТДЕЛ ПРОДАЖ –
НАДЕЖДА ЕРМОЛЕНКО;
E-MAIL: ERMOLENKO@KOMMERSANT.RU

ОТДЕЛ РАЗМЕЩЕНИЯ –
НАТАЛЬЯ ЧУПАХИНА;
E-MAIL: CHUPAHINA@KOMMERSANT.RU
ТЕЛ.: +7 495 797 6970 д. 2772

ЖУРНАЛ «КОММЕРСАНТЪ WEEKEND» ЗАРЕГИСТРИРОВАН В РОСКОМНАДЗОРЕ ПИ №ФС77-64418 31.12.2015. УЧРЕДИТЕЛЬ – АО «КОММЕРСАНТЪ». АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ: 123112, Г. МОСКВА, ПРЕСНЕНСКАЯ НАБ., Д. 10, БЛОК С
ТИПОГРАФИЯ: ПОЛИГРАФИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «ПУШКИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ». 109548, Г. МОСКВА, УЛ. ШОССЕЙНАЯ, Д. 4Д, ТЕЛ.: +7 495 276 1606, ФАКС: +7 495 276 1607; PRINT@PKPP.RU, WWW.PKPP.RU · ЦЕНА СВОБОДНАЯ. ТИРАЖ 63 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

16+

← МАТЕРИАЛЫ НА ТАКОМ ФОНЕ ПУБЛИКУЮТСЯ НА КОММЕРЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИХ СОДЕРЖАНИЕ НЕСЕТ РЕКЛАМОДАТЕЛЬ

16+ реклама

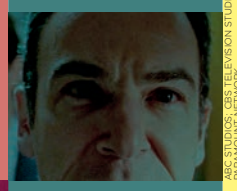
КоммерсантъFM93.6 слушайте

online

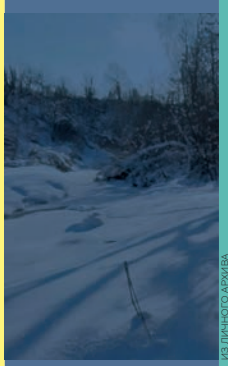
на www.kommersant.ru

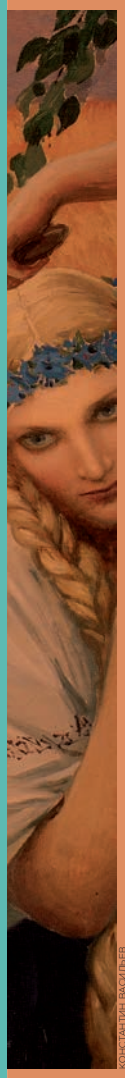
ABC STUDIOS, CBS TELEVISION STUDIOS; PARAMOUNT NETWORK

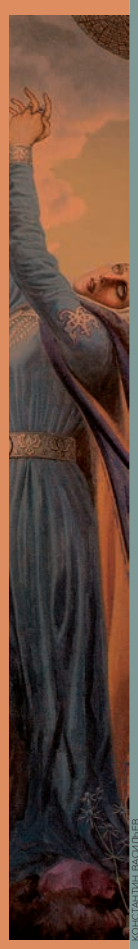
ABC STUDIOS, CBS TELEVISION STUDIOS; PARAMOUNT NETWORK

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВ

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВ

WARNER BROS. PICTURES

РЕПОСТНИК ПРОКОФЬЕВ

ПЕРВЫЙ КАНАЛ

ПЕРВЫЙ КАНАЛ

INSTAGRAM / @TRASPORTREGIONELAZIO.COTRAL

ЭКСМО

DOKUDRAMA COMPANY; ОБЪЕДИНЕНИЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ КОМПАНИЙ

20TH CENTURY FOX FILM CORPORATION

ПЕРВЫЙ КАНАЛ

INSTAGRAM / @TITAN BUS.CZ

INSTAGRAM / @TRASPORTI.REGIONE.LAZIO.COTRAL

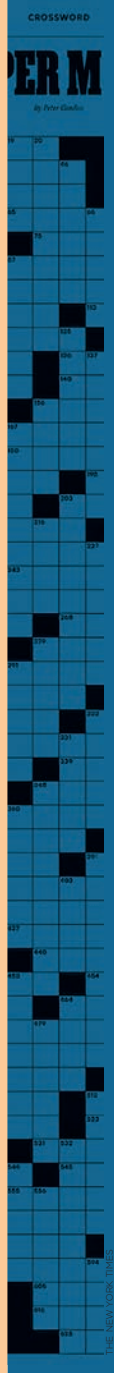
INSTAGRAM / @DISCOVER.HOSTELS

РИА НОВОСТИ

CD PROJEKT

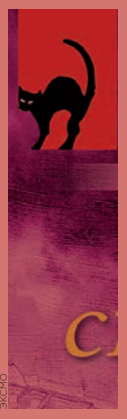
THE NEW YORK TIMES

INSTAGRAM / @TRAM.BUSCZ

Сокровенно говоря

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК О ЛИЧНОМ

ВЕСЬ ГОД МЫ ПИСАЛИ О КУЛЬТУРЕ. О ФИЛЬМАХ И СЕРИАЛАХ, КНИГАХ И ВЫСТАВКАХ, ТЕКСТАХ И ИЗОБРАЖЕНИЯХ, ПОТРЕБЛЕНИЕ КОТОРЫХ И ПРИОБЩЕНИЕ К КОТОРЫМ ДЕЛАЕТ НАС КУЛЬТУРНЫМИ ЛЮДЬМИ. О ТОМ, ЧТО ВЫЗЫВАЕТ ВОПРОСЫ, ЗАСТАВЛЯЕТ ЗАДУМАТЬСЯ, ИЗ РАЗМЫШЛЕНИЙ О ЧЕМ ПОТОМ РОЖДАЮТСЯ НОВЫЕ ФИЛЬМЫ, КНИГИ И ВЫСТАВКИ. В ЭТОМ НОМЕРЕ ВСЕ НЕ ТАК. МЫ ПОПРОСИЛИ РАЗНЫХ ЛЮДЕЙ НАПИСАТЬ О ТОМ, О ЧЕМ ОБЫЧНО НЕ ПИШУТ. О ТОЙ КУЛЬТУРЕ, КОТОРАЯ НЕ СТАВИТ ПЕРЕД НАМИ СЛОЖНЫХ ВОПРОСОВ, НЕ ЗАСТАВЛЯЕТ ПО-НОВОМУ СМОТРЕТЬ НА МИР И НА СЕБЯ, ДА И ВООБЩЕ НИЧЕГО ОТ НАС НЕ ТРЕБУЕТ, НО ПРИ ЭТОМ ДОСТАВЛЯЕТ НАМ УДОВОЛЬСТВИЕ. НИЧЕМ НЕ ЗАСЛУЖЕННОЕ И ОТТОГО ЕЩЕ БОЛЕЕ ЧИСТОЕ. РОМАНЫ УСТИНОВОЙ И ПЕСНИ «ЛЮБЭ», ФИЛЬМЫ ПРО КОСМОС И СЕРИАЛЫ ПРО АГЕНТОВ ФБР, ДА ЧТО ТАМ — АККАУНТЫ НЕЗНАКОМЫХ ЛЮДЕЙ В ИНСТАГРАМЕ, КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ И ПРОСТО АНЕКДОТЫ. ЗА ЛЮБОВЬ К ТАКОМУ ЧАСТО НЕЛОВКО ПЕРЕД ДРУГИМИ, ЗА ПОТРАЧЕННОЕ НА ЭТО ВРЕМЯ НЕИЗМЕННО СТЫДНО ПЕРЕД СОБОЙ. ВОСПИТАННЫЕ НА УВАЖЕНИИ К ПОДЛИННОЙ КУЛЬТУРЕ, МЫ СМОТРИМ НА ПОДОБНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ В ЛУЧШЕМ СЛУЧАЕ КАК НА СПОСОБ УБИТЬ ВРЕМЯ. НА САМОМ ДЕЛЕ ЭТО СПОСОБ ПРОВЕСТИ ВРЕМЯ С САМИМ СОБОЙ, НИЧЕГО ОТ СЕБЯ НЕ ТРЕБУЯ, ИНЫМИ СЛОВАМИ — ОСТАВИТЬ СЕБЯ В ПОКОЕ. ЭТОТ НОМЕР О ТОМ, КАКИЕ МЫ В ЭТОМ СОСТОЯНИИ ПОКОЯ И ЧТО НАМ ПОМОГАЕТ ЕГО ДОСТИЧЬ.

АВТОР ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Мария Степанова о романах Татьяны Устиновой

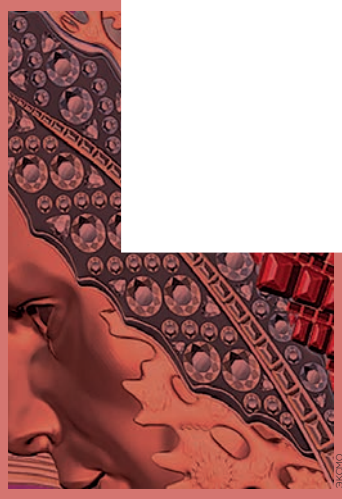

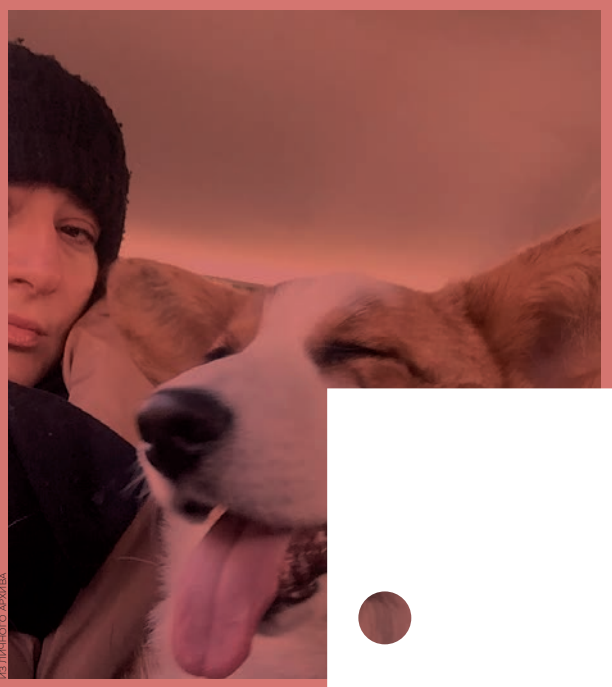
К концу двадцатого века, кажется, мир окончательно договорился сам с собой по поводу того, каким должно быть большое искусство и чего от него ждать. Ему следует быть disturbing: не оставлять камня на камне от хрупкого ощущения покоя и безопасности, напоминать и показывать черную дыру, которая всегда готова образоваться на месте, куда должен был прийти по расписанию трамвай номер 39, всеми силами выталкивать человека из так называемой зоны комфорта, куцей, недолговечной, туда, где все сдвинуто набекрень и из каждой щели дышит нехороший сквозняк. Короче, его задача — всеми силами и средствами сдергивать одеяло, которым мы едва успели укрыться с головой,— и возвращать человека к исходному леденящему знанию о себе и том, что это «я» окружает.

С другой стороны, когда одеяла уже сорваны и ты стоишь на холодном полу реальности, кажется возможным время от времени приводить в действие нехитрые согревающие механизмы: позволить себе стыдные радости, не имеющие ничего общего с абразивными поверхностями большого искусства. Оно в нынешних обстоятельствах выполняет функцию гигиеническую: обнажает душу, жесткой мочалкой сдирает с нее последние условности, отмирающие клетки надежд и упований, к которым пытаются льнуть слабые существа вроде меня. Но, по счастью, в свободные от гигиенического страдания часы можно разрешить себе передышку, выстроить пару заведомо картонных домиков со стеклами из фольги и даже полюбоваться ими без особых угрызений совести.

Просвещенное человечество придумало для этой цели множество средств и способов, от массового производства светящихся оленей и садовых гномов до платформы Netflix с ее неистощимым запасом духоподъемных историй, разложенных, как безрецептурные таблетки, по категориям: «Inspiring», «Feel-good», «Heartfelt», «Romantic», «Wedding» и тому подобное. Для тех же старинных людей, что, как я, из всех возможных опций выбирает буквы на бумаге, предназначены необозримые поля так называемой жанровой литературы. Там, на радость читателю, одеяло вдруг возвращается на место (а ты, как в детстве с фонариком, устроилась под ним со своей электронной книжкой) и ближайшие часы спасительно предсказуемы. Какой бы жанр мы ни выбрали, там все остается на своих местах и никакая сила не отменит 39-й маршрут. В категории «любовный роман» медсестра выйдет замуж за главврача, две актрисы, занятые в главных ролях, полюбят друг друга и выйдут из шкафа, еще одна героиня вернется в родной городок, чтобы заново влюбиться в когдатошнего одноклассника, а в финальной сцене все друзья, старые и новые, соберутся за столом, в саду, ординаторской, в маленьком кафе на главной улице. В детективе, даже самом продвинутом и современном, дело начнется с убийства и закончится разоблачением, а если герой вдруг отпустит убийцу с миром, никто не будет возражать. В фэнтези будет пройден очередной квест и совершен очередной подвиг, и цельность бытия опять, к добру или к худу, восстановится. В индустрии ужасов мировое зло опять с чавканьем обнажит гнилые зубы и заглотает всех, до кого дотянется. А я, читательница, вздохну, проснусь от золотого сна и начну новый рабочий день.

В деле аварийного утешения чем придется хороши все средства, все способы; качественный продукт идет не хуже, чем заведомо бросовый (и наоборот). Можно пересматривать ночами старые оперные постановки или фильмы тридцатых годов, можно — «Секс в большом городе» от первого сезона к шестому. Я, как и было сказано, выбираю буквы на бумаге, и когда не помогает ни Ф.Д. Джеймс, ни Элизабет Джордж, ни Джорджетт Хейер (а это очень сильный болеутолитель), у меня есть тайный, стыдный, сладостный книжный угол, в котором стоят древние (девяностых

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ЭКСМО

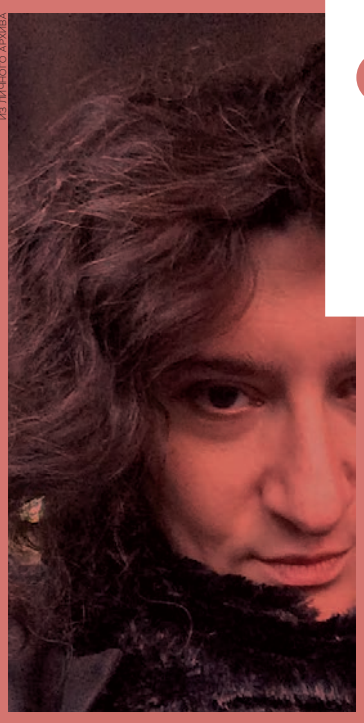
то есть годов), хорошо почитанные книжки Татьяны Устиновой, и они-то до сих пор действуют безотказно.

Мое пристрастие было бы одиноким и не делалось бы оттого горше, но отрадно сознавать, что в любви к Устиновой я не одинока и что даже в Weekend, где ниже highbrow планка не опускается, у меня есть тайные союзники, с которыми можно дотла обсудить и достоинства ее старых романов, и недостатки новых, и то, откуда в ее последних книгах взялась необъяснимая любовь к сотрудникам ФСБ и их трудной, но благородной работе. Тут мы обычно вздыхаем и пожимаем плечами («Ну вы же понимаете», как принято теперь говорить); были времена, когда героями ее книг были опальные олигархи с прозрачными именами, но постепенно российские спецслужбы отвоевали там козырное место и даже стали выявлять случаи шпионажа в пользу вражеских, немецких или японских сил. Иногда их становится столько, что любовь к Устиновой хочется задним числом отменить. Но она держится еще пока, а в трудные ноябрьские вечера и вовсе возгорается синим бенгальским пламенем, утешает, обещает разрешение детективной интриги, знаемой наизусть, яичницу, солнцем сияющую с клетчатого дачного стола, старый плед, который бабушка складывала невосполнимым углом, вереницу невезучих секретарш, библиотекарш, журналисток и просто девушек без адреса, которым так сокрушительно не везет, что невозможно не устроить их жизнь самым счастливым образом, обеспечив им и мужа хорошего (сначала вовсе не выглядящего мужчиной мечты, но быстро станет ясно, что только о таком мечтать и следовало — с трудной судьбой, зато с миллионным состоянием, дедовской дачей и знанием боевых искусств), и детей кровных, и детей приемных, и обязательно большую белую собаку, без которой никак. Это ее странное умение из трех сюжетных скрепок сложить что-то, не вполне способное к собственному движению, зато меблированное самыми настоящими скрепами — лучезарными патриархатными картинками, где усталый коммерсант возвращается в холодный, брошенный вздорной женой дом, а там и бутерброды нарезаны каким-то заграничным способом, и нажарена полная сковорода картошки, и мальчик с ручками-спичками взахлеб читает про Финдуса — что оно мне, собственно, и как оно совмещается с моими собственными картинками, которые совсем другого образца? Или вот, например, труженица большого бизнеса на тоненьких лабутенах-нах скользит по петербургскому льду и падает в мерзлую лужу, каблук отвалился, подол промок, лицо и руки в грязной воде — и тут ее подхватывает ровно тот, кто надо, и влечет через дорогу в ярко освещенный магазин, где небесные продавщицы скорей-скорей наливают ей полную кружку кофе, и покупает ей счастливые синие джинсы, и теплый белоснежный свитер с косами, и жилетку, чтобы грела, и желтые ботинки на шнурках, и с самого начала ясно, что все у них будет хорошо: ну какая «Pretty Woman» может с этим сравниться?

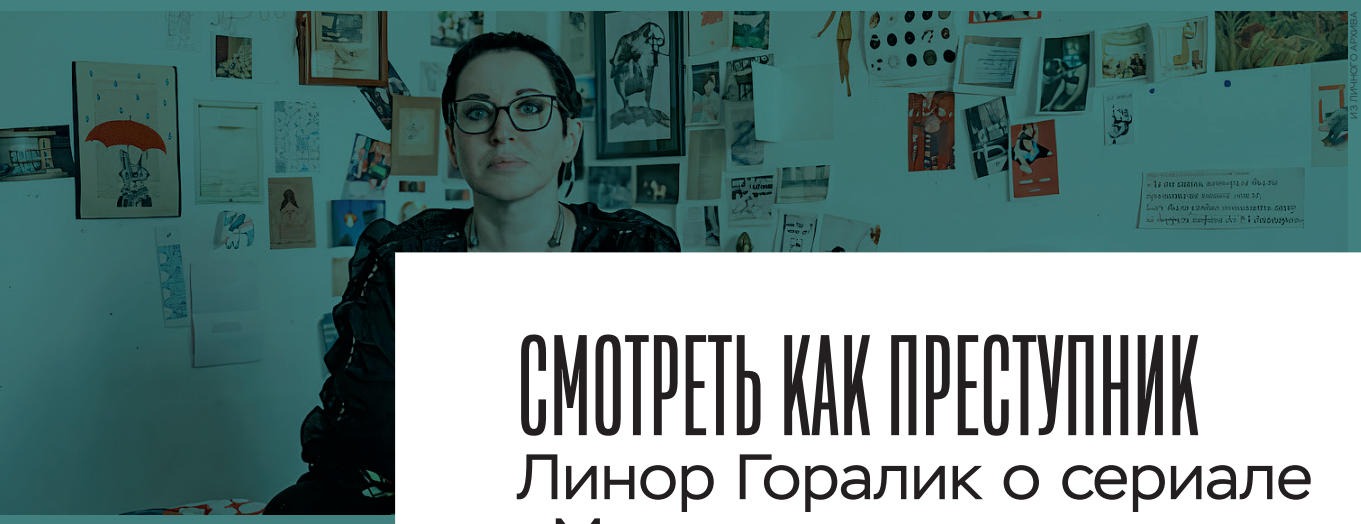
Стыдные, счастливые, морально устаревшие, политически — так и просто некуда глаза девать от неловкости, но каким-то образом населенные цветом и светом картинки из жизни, какой она никогда не бывает: где бездомная собачка находит себе хозяев, бесприданница — жениха хорошего, незнамо кто — хитрого и расчетливого убийцу. А я, старая дура, греюсь у нарисованного огня и довольна мастерством художника до такой степени, что когда однажды оказалась зачем-то на книжном фестивале в Лондоне и мне показали издали писательницу Татьяну Устинову, я шла за ней шагах в десяти, как та собачка, преданно смотрела на ее писательский пиджак и думала, что надо бы подойти и поблагодарить за всю эту радость. Подойти я постеснялась, зато сейчас говорю свое слегка отсроченное спасибо. Мы были так счастливы вместе — и до сих пор иногда бываем. Чекисты, конечно, очень мешают нашей любви; но синие джинсы, кружка чая, солнечная яичница!

ЭКСМО

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

СМОТРЕТЬ КАК ПРЕСТУПНИК

Линор Горалик о сериале «Мыслить как преступник»

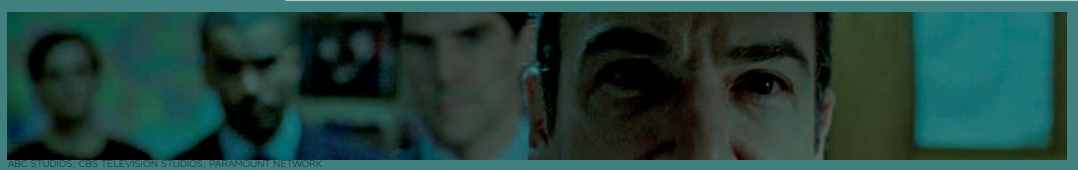
«Я никогда не думал, что они собирались убивать и насиловать всех женщин каждую ночь, каждый день, неделю за неделей, год за годом. Это было пагубным для моей души и моей личности. После этого я не думал, что смогу работать на телевидении снова».

Актер Мэнди Патинкин, исполнитель главной роли в сериале «Мыслить как преступник», ушел со съемок после второго сезона — не выдержал сценарной специфики одного из самых странных и самых спорных американских детективных шоу. Когда мои родители спросили, стоит ли смотреть «МКП», я сказала, что во многих своих проявлениях этот сериал кажется мне порнографическим — не в том смысле, что там совокупляются голые люди, это-то как раз ничем бы меня не смущало, а в том смысле, что время от времени «МКП» совершенно явно представляет собой то, что называется порнографией жестокости.

Преступления невероятно страшны — за 15 сезонов (не считая спин-оффов) сериал превратился в своего рода каталог того, какой ад один человек способен создать для другого (или других),— а ловящая преступников команда, во главе которой стоят гении криминальной психологии («профайлеры»), и сама являет собой не самое здоровое зрелище. В некотором смысле «МКП» оказывается этаким незаявленным ужастиком нового типа: будет очень страшно, но все закончится относительно хорошо; мучителя поймают, последующие преступления, возможно (но не обязательно), предотвратят. Смотреть это довольно тяжело. И пересматривать тоже. Особенно во второй раз. В третий. Четвертый. Пятый.

Я не только смотрю много детективных сериалов — я много их пересматриваю; под них хорошо работать (а работать под музыку я почти не в состоянии). Имеет смысл замечать только реперные точки сюжета, и происходящее на экране не отвлекает от бесед в телеграме или от написания деловых документов. Современный детектив — по большей части вялый детектив, течение его неспешно, итог каждой серии предсказуем, последнюю жертву спасут в последнюю же минуту, если кто и ранен, то не всерьез, добро восторжествует, бюрократы будут посрамлены.

Плюсом и минусом детективных сериалов для меня оказывается потребность сценаристов и всех прочих причастных непременно заниматься развитием главных персонажей — то они влюбляются, то разлюбляются, то травмируются, то у них сестра болеет. Впрочем, это смело можно пропускать: документы сами себя не напишут. Но с «МКП» дела обстоят иначе: профайлеры и сами жертвы — то преступников, то жизненных обстоятельств, то собственной гениальности,— критик The New York Times Нед Мартел заметил в свое время, что герои сериала выглядят «как перевернувшийся грузовик с поломанными игрушками». И ты невольно залипаешь в их страдания не меньше, чем в страдания жертвы очередного маньяка с собственноручно разработанным девайсом для изъятия глазных яблок у живых женщин не старше двадцати трех с половиной лет. Сбывается еще один закон сильного фильма ужасов: герой — такой же потенциальный объект страдания, как те, кому уже досталось; приготовьтесь растянуть эмпатию на всех — или уж не расходуйте ее ни на кого.

ABC STUDIOS; CBS TELEVISION STUDIOS; PARAMOUNT NETWORK

ABC STUDIOS; CBS TELEVISION STUDIOS; PARAMOUNT NETWORK

Когда-то мне казалось, что я поняла, чем лично для меня хороший ужастик отличается от посредственного. В посредственном со скептиком происходит то, чего не может быть; это и есть страшное: невозможное оказывается возможным, и страдание протагониста многократно усиливается необходимостью расстаться не только с базовым чувством физической безопасности, но и с устойчивой картиной мира. В хорошем же фильме ужасов с верующим происходит то, что всегда могло произойти; это принципиально иное страшное: ты знаешь, что, если оскорбить духов, духи придут за тобою и сделают с тобой вполне конкретные вещи,— и вот, пожалуйста (недаром так очень часто построены азиатские хорроры, да еще — изредка — те западные фильмы, в которых есть место ребенку). Протагонист мучим здесь не столько физической мукой, сколько полным осознанием того, что предстоит ему и окружающим,— и эта мука для него и зрителя оказывается пострашнее тривиальной беготни с воплями.

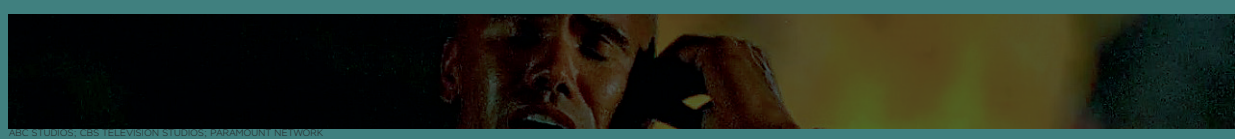
«Мыслить как преступник» движется на этом механизме: поскольку профайлеры готовы к любым искажениям человеческого ума, они не удивляются ничему, и каждая новая обнаруженная моральная перверсия оказывается для них (и для зрителя) тем самым ожиданным хоррором, предсказуемым закоулком ада, где стоят лишь повернутые другой, прежде невиданной стороною старые щербатые котлы; будет же этот котел уготован лично для тебя — что ж, ты знал — случается и такое. Вергилию нет пути в рай, здесь его место. Кто хочет идти дальше за Стацием, пусть переключается на «Симпсонов».

Увы, под «Симпсонов» невозможно работать — у «Симпсонов» очень высокая плотность и их желтые голоса требуют внимания к их желтым лицам. Но и под «МКП», к сожалению, работать мне не удается — ни при первом просмотре, ни при третьем, ни при пятом; вернее, работать под него бессмысленно, непонятно, зачем это делать,— как не очень понятно (мне), зачем работать под хороший фильм ужасов: тебя пригласили к определенной игре, плотной и странной, и если не играть в нее всерьез, то, кажется, нет смысла отвечать на приглашение вообще. В «МКП» игра устроена так: печальные и немножко поломанные люди ищут и находят печальных и очень поломанных людей за счет того, что полностью их понимают,— и, начиная с какого-то очень раннего момента, ты, зритель, больше не пытаешься угадать, кто преступник, но задаешься совсем другим вопросом: где внутри вот этих хороших людей находится такое место, которым они так замечательно понимают серийного насильника-импотента? А тринадцатилетнего отцеубийцу? А молодую мать, которая — нет, не будем описывать, тут у нас не там. Но чем дальше, тем больше тебя интересует именно этот вопрос и тем больше времени за просмотром каждого эпизода ты тратишь именно на поиски этого ответа. И еще одного ответа (сезона примерно с третьего) — на вопрос о том, где внутри тебя находится такое место, которым ты, кажется, так замечательно понимаешь… Словом, понимаешь.

Заниматься этим очень неприятно; заниматься этим можно бесконечно.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ABC STUDIOS; CBS TELEVISION STUDIOS; PARAMOUNT NETWORK

НАС ДОГОНЯТ

Иван Давыдов о сериале «След»

Я люблю смотреть американские кулинарные шоу (нет, это еще не начало исповеди). Странная, кстати, страсть. Готовить я не умею и не люблю, требования к еде имею самые незамысловатые: ром, свиная грудинка и яичница — вот все, что мне нужно. А смотреть люблю. Где же это было? Ах да, «Брат-2», проститутка предлагает свои услуги Даниле, русскому герою, а его спутнику, дальнобойщику-американцу, поясняет: «С тебя десять баксов, если будешь смотреть».

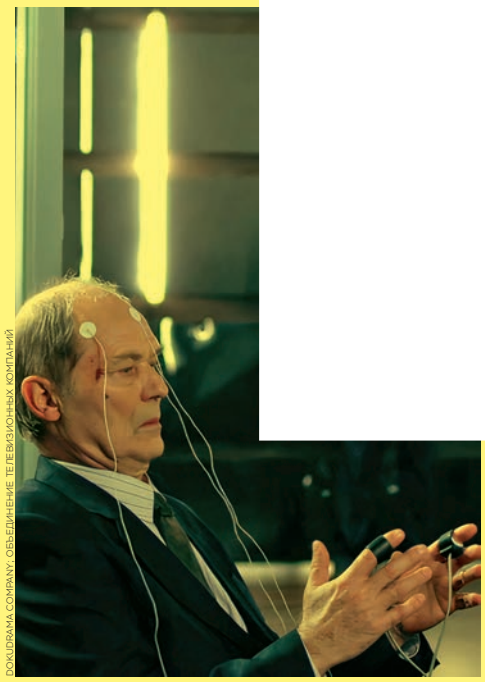
Американцы вечно друг с другом соревнуются — такой специальный народ. Соответственно, и на каналах про еду преобладают соревнования поваров. И очень часто там участникам ставят задание — а приготовьте-ка судьям что-нибудь такое, что можно было бы называть guilty pleasure!

Суетятся, готовят. Фаршируют омара устрицами, запекают в шести сырах, трюфели обязательно, черная икра для декора. Про pleasure рассуждать не стану, не пробовал, но выглядит это все, как правило, не особенно красиво. И это, видимо, универсальная формула: guilty pleasure — значит дорого, нелепо и очень вредно. И немного страшно.

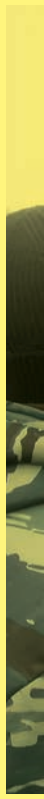
Моя грешная радость проще. Дешево, скорее бесполезно и разве что нелепо.

Встретились случайно. У знакомых на кухне работал телевизор, шел какой-то русский сериал. Смотреть русские сериалы — дело, конечно, стыдное, но я был в гостях, остерегся лезть в чужой монастырь со своим уставом и честно попытался сосредоточиться на приключениях героев. Герои — сотрудники несуществующей в реальности спецслужбы — лихо ловили преступников. Диалоги вгоняли в печаль, актерская игра — в тоску. Сюжет… Ну а что сюжет? Складывалось, конечно, ощущение, что сценаристы в ПТУ не прошли по конкурсу, но с другой-то стороны — нашли все же какую-никакую работу, а могли бы людей по подворотням грабить. Молодцы.

«Что это было?» — уточнил я, прощаясь, и, видимо, отношения своего к увиденному спрятать не смог, потому что в ответ получил: «Ну зря ты. Это сериал „След“. Он нормальный, если привыкнешь».

DOKUDRAMA.COMPANY - ОБЪЕДИНЕНИЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ КОМПАНИЙ

DOKUDRAMA COMPANY; ОБЪЕДИНЕНИЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ КОМПАНИЙ

DOKUDRAMA COMPANY; ОБЪЕДИНЕНИЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ КОМПАНИЙ

Подлец человек, ко всему привыкает, у меня, например, есть привычка в часы сомнений и умеренно тягостных раздумий включать телевизор и бессмысленно щелкать кнопками пульта. Так я и наткнулся на них во второй раз. Все те же герои ловили преступников, но уже других. В остальном ничего не изменилось. Старания актеров вызывали сострадание, причем к себе.

Но дня через два я уже целенаправленно выяснял, в котором часу и на каком канале их показывают. «След» — сериал о буднях сотрудников ФЭС, Федеральной экспертной службы. Эти сверхлюди, вооруженные новейшими методами расследования преступлений и суперсовременными приборами, распутывают самые тяжелые дела. Ловкие преступники уничтожают улики, придумывают хитрые схемы, стирают отпечатки пальцев с рукоятки кочерги, проломивши очередному бедолаге череп. Зря. Все равно останется какое-нибудь перышко из пуховика, уникальная грязь с подошвы ботинка, встречающаяся только возле подъезда дома №666 по улице Красных Водолазов в городе Малиновске, а в ФЭС, разумеется, есть базы данных всей отечественной грязи… В общем, негодяи обречены.

Еще негодяи все время оставляют потожировые следы. Жуткое слово, да?

Сам себе не могу объяснить причины этой загадочной любви. Это действительно очень плохо сделано. Все предсказуемо, все неинтересно, все довольно однообразно (хотя сценаристы стараются следить за повесткой, реагируют на шумные события, есть серии про пандемию, есть — про школьные шутинги, есть про массовые беспорядки). Иногда они мне надоедают, и я бросаю за ними следить. Месяц, два, три мы живем друг без друга. Но я все равно потом возвращаюсь.

Может быть,— это я теперь, сделав признание и выдохнув, пробую гадать,— дело в моем отношении к разнообразным внешним угрозам. Бесполезно пытаться все предусмотреть, мир чем дальше, тем прозрачнее, прятаться некуда, остается, значит, махнув рукой на соображения безопасности, жить и голову себе ерундой не забивать. Если жизнь (враги, государство, бывшая, да мало ли) захочет тебя съесть, она съест. И даже такие вот недотепы вроде сотрудников выдуманной ФЭС справятся с задачей. Найдут пуговицу, окурок, волосок и потожировые. И все. А раз те, кто ловит, все равно поймают, зачем бежать? Кто-то назовет это ленью, я — мудростью.

А может быть, дело просто в том, что у меня дурной вкус.

Утешает, впрочем, что я здесь — с моим народом. «След» снимают с 2007-го, он побил все мыслимые рекорды по продолжительности, счет эпизодам — на тысячи, и заканчиваться сериал не собирается. Каждый будний день — новая серия. Поговаривают, рейтинг канала, на котором он сейчас выходит, только за счет «Следа» и держится.

И это тоже придает уверенности. Вот сейчас у нас опять разлад, я «След» не смотрю, но через месяц — или через три, или через год — включу телевизор и увижу, что все хорошо. Все на месте. Майор Майский, остроумный громила, гонится за преступником, красавица Оксана, специалист по компьютерным технологиям, смешивает разноцветные реактивы в лаборатории (почему специалист по компьютерным технологиям смешивает реактивы? — а почему вы спрашиваете?), а Галина Николаевна Рогозина, полковник, доктор медицинских наук и глава ФЭС, суровая, но справедливая, готовится произнести какую-нибудь мудрую фразу.

В городе Стерлитамаке, кстати, еще в 2009 году поймали мошенника, который представлялся сотрудником ФЭС и забирал у прохожих телефоны для проверки. Не сразу поймали, многие телефоны отдавали безропотно. А почему? Потому что народ ждет героя.

И последнее соображение: сидя перед телевизором, я, конечно, ругаю мысленно себя за бездарно убитое время. Но это ведь мое время. И потом — вот, допустим, сэкономил бы я эти часы, и что? Написал бы великий роман? Ну, во-первых, едва ли, во-вторых — а зачем?

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

НЕМИРНЫЕ ГРЕЗЫ

Григорий Ревзин о борьбе со злом в ванне

Люди получают удовольствие, делая то, что они хорошо умеют делать. Когда у этой деятельности нет никаких результатов, это и есть guilty pleasure. Так я понимаю этот вопрос. Мне это понимание нужно для того, чтобы протащить в число guilty pleasure то, чем я занимаюсь.

Если коротко, то я сплю в полной ванне и смотрю сны о том, как совершаю успешные и эффективные насильственные действия против должностных лиц как зарубежных, так и, чего греха таить, отечественных. Бывает, конечно, освобождаю каких-то заточенных (последнее время часто снился Сергей Зуев), разворачиваю операции по уничтожению зданий и сооружений, где располагаются репрессивные институции. Но чаще просто вот сидит должностное лицо, заседает, скажем, на заседании, в зале заседаний таком, и тут появляюсь откуда-то я — и раз ему в лоб. Он кубарем с кресла и такой «Вы что себе позволяете!», а я ему раз, и опять в лоб, креслом, пока шея не сломается. Бывает, захватываю группы сотрудников органов, осуществляющих пытки, и выбрасываю их на какой-то необитаемый остров, судя по пейзажу где-то в Баренцевом море.

Использую холодное и стрелковое оружие, имею навык сновидений по использованию ПТУРСов, гранатометов, взрывчатки, а вот артиллерия, танковые операции и бомбометание пока не снились.

Иногда я провожу конфискации имущества, но редко, и мне отчего-то не снится, что происходит с этим конфискованным дальше. Одна моя подруга, с которой я поделился своими сновидениями, с какой-то обидной сдержанностью поинтересовалась, не раздаю ли я это имущество нуждающимся или сиротам, и это было бы, вероятно, неплохо, но ни разу не снилось.

Но чаще просто раз — и в лоб.

Мои противоправные сновидения не наносят вреда окружающим. Правда, за последние 10 лет я трижды заливал соседей снизу — сильно брызгался в борьбе,— но всегда, конечно, компенсировал убытки. А недавно они чего-то вообще продали квартиру и съехали, а новые даже еще и не начали ремонт. Тем не менее я, конечно, отдаю себе отчет в греховности и даже патологичности своих занятий. Даже консультировался с врачом. Причем прошу отметить там, где это отмечают, что в бодрствовании я человек законопослушный и не принимаю насилия.

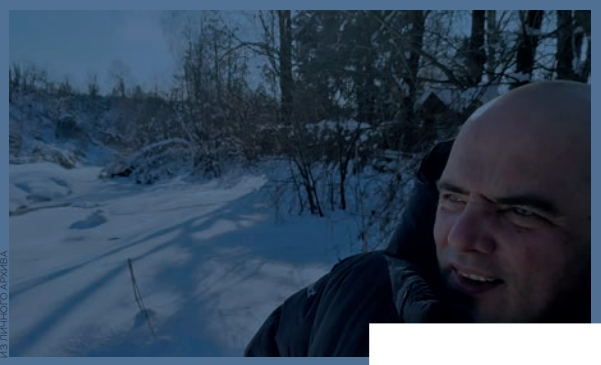
Еще я человек опасливый и не молодой. И в молодости со мной такого не случалось. Помню даже мне в 1979 году приснилось, что я оказался на подписании договора ОСВ-2 между Леонидом Брежневым и Джимми Картером, и как-то я убеждал Брежнева, что это хорошо. Такая большая площадка вроде концертной, куча софитов, эти сидят за столиком, довольно каким-то маленьким, не соответствующим моменту, скорее даже шахматным. Так что видно, что дело может и не выгореть. И тут, значит, появляюсь я и смотрю прямо в глаза Брежневу. И он глаза-то опускает и подписывает. Застыдился, видимо, вспомнил Сахарова, политических заключенных, может, и сталинские зверства — и подписал.

То есть я изначально был настроен на обмен взглядами, диалог и компромисс. А теперь бы я, наверное, сразу перешел к насильственным действиям.

Складывалась моя болезненная практика постепенно. В молодости я сильно переживал, что мало начитан и плохо образован, недостаточно занимаюсь учебой, потом научной работой, мало и плохо пишу и делаю очень средние доклады, и от этих комплексов мне постоянно не хватало времени. А однажды великий филолог Виктор Маркович Живов рассказал мне, что он спит по четыре часа в сутки, потому что нельзя тратить на сон то, что можно потратить на изучение древнерусского языка, который он знал ну просто в совершенстве — просто наизусть знал все, что на этом языке написано. И я тоже решил спать по четыре часа, а остальное время работать, работать и работать.

Но вот Виктор Маркович — он достиг изумительных результатов, а мне это мало помогло, потому что я ужасно не высыпался, а от этого все делал еще хуже. Особенно плохо выходило с тем, чтобы проснуться. Первые часа два я так хотел спать, что ненавидел все вокруг, от бритья до утренней газеты, чем доставлял известные неприятности своей второй жене, да и первой тоже. Но, кстати, возможно, поэтому мои разводы проходили не так катастрофично, как я их себе заранее представлял, несколько преувеличивая масштабы того, что они теряют. Да, так вот, я понял, что с этим надо что-то делать.

Я причем читал, что обычно, когда сильно бесишься, то потом успокаиваешься. А у меня с этим утренним делом было так, что я просыпался в состоянии вялого

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

полусознательного бешенства, потом оно развивалось, обрастало деталями, потом заливало меня целиком и — вдруг все, проснулся. В силу законов этики и психологии семейной жизни, да и не только семейной, полезней переживать этот процесс в одиночестве. У меня в детстве был друг, и у него был отец. И вот он мне как-то сказал: «Два часа сна в горячей ванне заменяют шесть часов обычного сна». Мне было лет шесть. Он потом оставил семью, сошел с ума и покончил с собой, да и друг тоже потом вырос и выбросился из окна, но детские впечатления такие яркие — я решил попробовать. С одной стороны, вдруг действительно высплюсь. С другой — когда ты лежишь в ванне в темноте (потому что иначе какой сон?), риск кому-нибудь нахамить сводится к минимуму. А потом, уже в нормальном состоянии, выходишь чистый, улыбаешься жене, то есть выглядишь сравнительно приличным человеком.

В ванне из предметов ненависти только вода, так что я начал бороться с воображаемыми противниками. И грань реальности стала размываться. Я то ли думал о предметах своей неприязни, то ли они думались во мне. И сначала это были какие-то знакомые лица, отношения с которыми оставляли желать лучшего. Например, мне часто снился один специалист по образу современника в советском социалистическом портрете, коллега по кафедре, где я преподавал, доктор искусствоведения, парторг.

У него было белое блинообразное лицо с заплывшими бесстыжими глазками, и мне снилось, что вот он мне выговаривает, как он имел обыкновение: «Вы, такскаать, коллега, поверхностно относитесь к образу Садко в картине Репина, и воспитываете, такскаать, в молодом поколении советских искусствоведов, отсутствие патриотизма», а я ему: «Ах ты, блин ссученный!» — и хрясь в морду. Появлялись и другие лица, которых я не буду упоминать, такскаать, во избежание. Но постепенно всех их вытеснили герои, с которыми я лично незнаком.

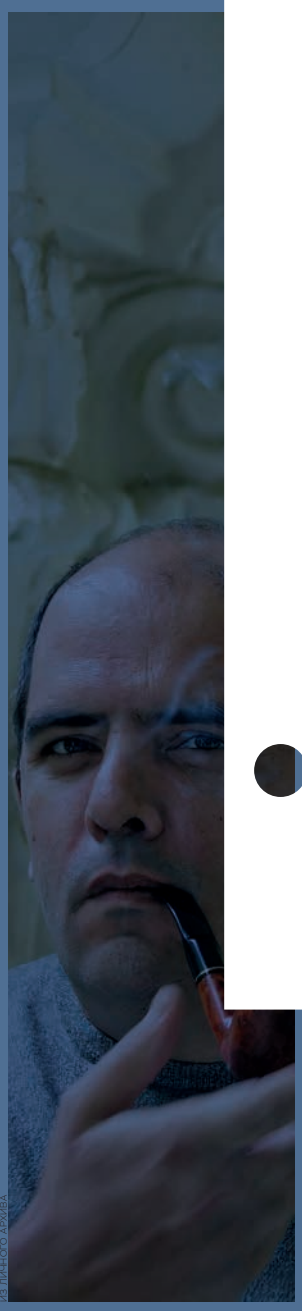
Дело в том, что просмотр снов — это не единственное мое guilty pleasure. Я, кроме того, являюсь тяжелым слушателем радио, слушаю каждый вечер по сети и часа за два совершенно переполняюсь известями об удивительном течении судопроизводства и законодательных процессах, событиях в Белоруссии, в Украине, да мало ли где. Достаточно наполнившись этим, я перехожу ко второму своему хобби, а именно просмотру кино. У меня малопочтенные, но твердые представления о задачах кинематографа, я их никому не навязываю, но сам придерживаюсь неукоснительно. Мне важно, чтобы было хрясь-хрясь и в конце тип-топ.

А утром я залезаю в ванну и смотрю сны. Так что это явление психологического синтеза. С годами я достиг большого совершенства, что-что, а это я делаю хорошо. Я контролирую течение сюжета и аранжировку, интересно монтирую планы и ракурсы. Иногда, конечно, бывают срывы.

Недавно, скажем, неожиданно приснился президент Белоруссии, и мне перед решением проблемы беженцев на польской границе надо сдать ему экзамен по химии. Штативы какие-то, колбы, газовая горелка, и там про вычисление молярной массы, и я понимаю, что вопрос я через экзаменатора, пожалуй, не проведу. А это ничего страшного. Это просто значит, что вода в ванне дошла уже до рта, и надо чуть проснуться, выключить ее и спать дальше, дальше, дальше.

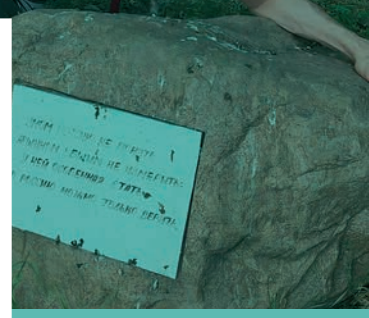
И даже эти опасности в борьбе за правое дело придают остроты сюжету. Причем это бесконечный сериал. В «Морфологии волшебной сказки» у Проппа доказано, что сказки каждый раз должны быть новые, но при этом происходить должно все время как бы одно и то же, и моя новостная лента — это прекрасный пример этой закономерности. Каждое утро меня трясет от ненависти, так что в ванне образуются небольшие волны.

Выражаю уверенность в том, что эти переживания происходят только со мной, а остальные сограждане проживают в относительном эмоциональном благополучии и полностью поддерживают. Тем более вряд ли кому-нибудь еще придет в голову лазить за этим в ванну. Но должен сказать, это невероятно увлекательно. Единственная проблема в том, что после просмотра своих сновидений я больше не прихожу в бодрое состояние, каким раньше одаривала меня утренняя антропофобия, а, напротив, чувствую себя довольно изможденным и не могу продуктивно работать. С этим надо что-то делать, но врач, с которым я консультировался, загадочно порекомендовал поменять что-то в консерватории. И у меня нет ни малейшего понимания, что и как можно изменить.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

СОБЛАЗНЕНИЕ РОДИНОЙ

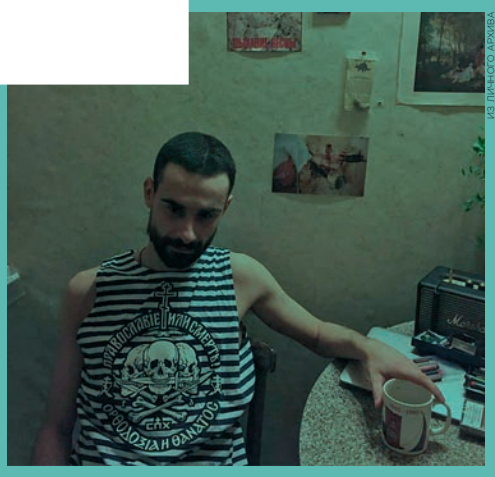
Игорь Гулин о своей любви к группе «Любэ»

Для человека, чье детство пришлось на рубеж 1980-х и 1990-х, группа «Любэ» — часть нерасчленимой фактуры времени — как уродливые кожанки, барахолки, разговоры о ГКЧП. Их песни звучат в памяти будто голоса нутряных, дремучих сил, давших о себе знать в перестроечном брожении. Когда слушаешь первые альбомы «Любэ» во взрослом возрасте, поражаешься тому, насколько это измышленная, постмодернистская музыка. Ее принцип — диковатые сочетания: игривый синти-поп и сермяжный блатняк, дурной хард-рок и пронзительный народный напев, солдатский романс и гротескный глэм — восхитительно-бредовый стиль, собранный из несовместимых на первый взгляд элементов.

Странность — не только в звучании. Очевидно, что ранние «Любэ» поют от лица некоей идентичности, сильного «мы». Это «мы» захватывает тебя, но, если пытаться его назвать, оно сразу же ускользает. Кто кричит голосом Николая Расторгуева «Атас, пускай запомнят нынче нас!» — работники органов или бандиты? Сказать невозможно. Так — почти в каждой песне: социальные противоречия стираются в оголтелом угаре. Герои песен «Любэ», уголовники, менты, дворовые гопники, богемные хулиганы, зовутся по-разному, но по сути равны между собой — лихие люди из ледяной пустыни, отогревшиеся и пустившиеся в пляс. Тем не менее во всем творчестве группы можно найти своего рода метанарратив. Это объединение брутальных маргиналов всех родов в то, что называется «нация». В книге «Воображаемые сообщества», классической работе о формировании нововременных наций, историк Бенедикт Андерсон пишет, что ключевая составляющая любого национального мифа — память о братоубийственной резне, сплавляющей разрозненные этнические и социальные группы в единство. Окрашивая территорию собственной кровью, нация превращает ее в родину. В поздней песне «Любэ» под названием «Русские», странном эксперименте в жанре дарк-фолка, эта мысль звучит с редкой прямотой: «Мир далеко-далеко виден в окошках узких. Русские рубят русских».

Казалось бы, потерявшая к началу 1990-х всякую актуальность память о Гражданской войне с самого начала была ключевым элементом в образе «Любэ». Речь не только о сюжетах песен, но и о сценическим имидже: гимнастерка Расторгуева, шинель и бородка Дзержинского у клавишника Виталия Локтева. Эта эпоха — мифическое правремя ранних «Любэ». В одной из песен так и сказано: «Дед погиб в Гражданскую — повезло!» Мир их музыки — мир приостановленной, но всегда возможной Гражданской. Залог веселья и единения — готовность к насилию.

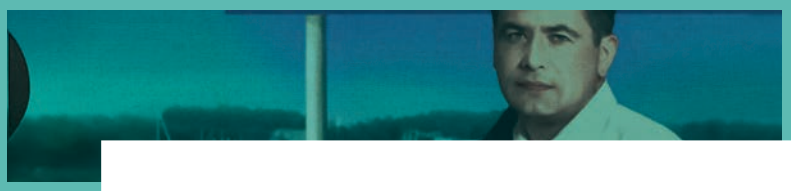

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Статус действительно «народной» группы «Любэ» обеспечила первая чеченская. Война — в сущности гражданская, идущая внутри государства с не вполне понятными рядовому участнику целями,— была идеальным основанием для вывода этих потенций в действие, реактуализации мифа. Теперь расплывчатый брутальный индивид получает имя — солдат. Примечательно, что в «чеченских» вещах «Любэ» нет и намека на то, с кем и за что ведется война. Она — великолепное, требующее самозабвения действо, полное смертельной эротики: разрывающие песню «Комбат» толчки страстного «Ё», оргазмическое «огонь-огонь-огонь-агония». Война — высшая манифестация нации, в которой человек, наконец, теряет себя, обретая родину.

По своему устройству «Любэ» — поп-группа, продюсерский проект, в котором харизматичные артисты исполняют чужие слова и музыку. У поп-группы, будь она сколь угодно необычной, как правило, есть определенная задача — разыгрывание узнаваемого и желанного чувства. Чаще всего это любовь между мужчиной и женщиной. Здесь — еще одна любопытная деталь. У «Любэ» есть конвенциональные песни о женщинах, но все они блеклые и быстро забываются. Исключение — замечательная «Дуся-агрегат», в которой женщина избавляется от феминных качеств при помощи штанги, расчеловечивается, превращаясь в машину — «агрегат на сто киловатт». Главная же героиня песен «Любэ», Родина, не терпит соперниц. Чувство к ней глубже всего познается в нечеловеческой компании. В присутствии коня не страшно простонать: «Я влюблен в тебя, Россия, влюблен!»

Любить родину сложно, потому что совсем непонятно, что же это такое. Еще сложнее, если, как в начале 1990-х, одна родина исчезла, а на ее месте возникла другая. Впрочем, настоящая Родина — всегда в прошлом и всегда утраченная. Чувство к ней неизменно окрашено ресентиментом. Любить родину должно быть больно, потому что она, желая воскреснуть, требует жертвенной крови.

Без этой сладкой боли патриотизм пресен. Сейчас вся эта органика недостижима. Это старые силы, которые не приведешь в действие в глобализованном, постмодерном мире. Поэтому современный национализм всегда выглядит беспочвенным — в самом прямом смысле. Именно эта беспочвенность завораживает в «Любэ» — искусственность, расходящиеся швы в сочетании несочетаемого (в 2000-х к ним добавляется смесь ностальгии по советской эпохе с белогвардейской романтикой), головокружительная пустота в сердце священных слов.

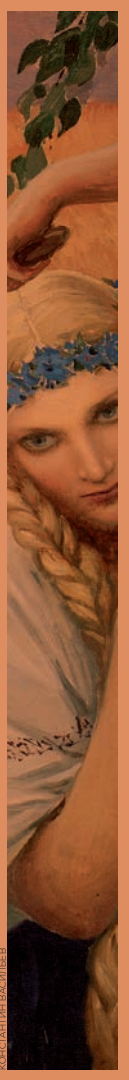
Здесь — корень того немного мазохистского наслаждения, что приносят их песни: они вдохновенно симулируют национальное чувство во всей его невозможности, доводят его до шизофренического экстаза. «Любэ» — совершенный в своем роде поп-проект. Ведь так и работает поп-музыка. Она соблазняет, обещая нам то, о чем мы твердо знаем: у нас никогда этого не будет. Это может быть красивая жизнь, роковая страсть, а может быть родина.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВ

SEHNSUCHT ПО РОДИНЕ

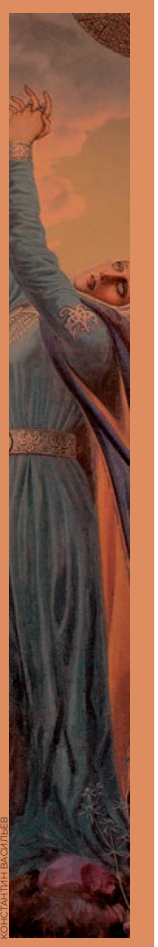
Анна Толстова о Константине Васильеве

«Произведения художника Константина Алексеевича Васильева экспонируются в Ленинграде впервые. Выставки его работ, в основном посмертные, неизменно вызывают громадный интерес зрителей»,— сообщала Е. Сорокина, искусствовед, в крохотном и слепом, то есть совсем без иллюстраций, буклетике — два листа плотной бумаги, сложенные пополам. Где и когда проходила эта выставка, в буклете не сказано, и поскольку творчество художника Константина Алексеевича Васильева не вызывает громадного интереса профессионального искусствоведческого сообщества, чего не скажешь о народных искусствоведах-любителях, то из вышедших с тех пор книг, где мифов, легенд и восторженного пустословия куда больше, чем фактов, узнать подробности его выставочной биографии невозможно. Год, во всяком случае, известен: 1988-й. Вероятно, это была зима или ранняя весна — лежал снег, очередь, пусть и не такая безнадежно длинная, как на выставку Ильи Сергеевича Глазунова в Манеже, мерзла и все никак не кончалась. Возможно, это был Ленинградский дворец молодежи или какой-то другой модернистский ДК вдали от центра — добирались туда на метро, и ребенка одного, а родители уже смирились с тем, что раз ребенка приняли в такую знаменитую изостудию, то его теперь предстоит таскать по выставкам, не отпустили. Надо полагать, жертвой детской культурной программы пала мама: буклет сложен пополам — так, чтобы поместиться в театральную сумочку.

Почему Васильев? В 1988-м у него была репутация диссидента, жертвы режима, как, впрочем, и у талантливого прохиндея Глазунова, приходившегося ко двору при всех режимах. Васильев шел в одном комплекте с другими еще недавно запретными плодами — с публикациями в толстых литературных журналах, которые выписывали в таких количествах, что в почтовый ящик они не помещались и приходилось арендовать ячейку на почте, с первыми музейными выставками авангарда и нонконформизма, с Серебряным веком и архипелагом ГУЛАГом, совпавшими в позднеперестроечном времени. Диссидентство Васильева, в отличие от глазуновского, было невымышленным, и ходили упорные слухи, что его ранняя и странная смерть — осенью 1976 года тридцатичетырехлетнего художника вместе с товарищем сбил поезд на железнодорожном переезде у станции Лагерная близ Казани — приключилась в результате одной из тех спецопераций, какими в органах расправлялись со слишком заметными деятелями диссидентской культуры в середине и второй половине 1970-х (между тем сегодняшнему васильевскому культу силовые структуры как раз благоволят — идейно-духовная эволюция этих ведомств так же причудлива, как и художественная эволюция самого Васильева). В общем, по сарафанному радио передали, что идти надо. Судя по буклету, на той первой ленинградской выставке не было лишь абстракций и коллажей Васильева начала 1960-х — служители васильевского культа вообще не очень жалуют этот период «формалистических экспериментов». Из времен экспериментаторства выставили только сюрреалистские «Струну», «Апостола» и «Вознесение» — Васильев тогда, около 1962-го, писал в духе «атомического» Сальвадора Дали, еще одного перестроечного кумира. Вообще, выставку составили

МУЗЕЙ КОНСТАНТИНА ВАСИЛЬЕВА, КАЗАНЬ

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВ

с толком, чтобы не отпугнуть публику: школьные рисунки, сделанные в МСХШ при Суриковке и в Казанском художественном училище, свидетельствовали о крепкой реалистической выучке, которая проявится позднее в лесных пейзажах (по одной из легенд, мать художника приходилась дальней родственницей Шишкину), а сюрреалистские искания пригодились в работе над тремя эпическими циклами — былинным, вагнерианским и военно-патриотическим, с богатырями, валькириями и парадами. Ребенок сразу догадался, что в знаменитой изостудии хвастаться походом на выставку Васильева не стоит. В изостудии не ругали за «китч», «пошлость» или «дурной вкус», в ней вообще не ругали, но слово «иллюстрация», когда речь не шла об иллюстрациях в точном смысле слова, считалось бранным. Васильев был иллюстрацией. Но в этой иллюстрации что-то было. Было непонятно, как все это — дремучие шишкинские леса, ясноглазые арийские витязи и Достоевские со свечками, словно бы писанные каким-то невообразимым Крамским-де-Латуром, совмещаются в одном человеке. Лучше всего ребенку запомнились две картины: во-первых, «Северный орел» — страшный заснеженный лес и в нем страшный косматый мужик с топором на плече, обернувшийся на зрителя, оборотень с орлиным белесым глазом; во-вторых, «Тоска по Родине» — плакатная композиция со строем солдат в шинелях и касках, уходящих в снег и пламя, но один обернулся и, как оборотень-орел, смотрит из-под каски прямо на тебя. Ребенок думал, что этот обернувшийся солдат и есть Васильев, художник-оборотень, тоскующий по родине.

По мере того как ребенок превращался в искусствоведа, Васильев из запретного плода превращался в икону масскульта, причем масскульта с вполне определенным, националистическим душком. Брезгливые эстеты говорили про «обложки для фэнтези», «художника для общества „Память“», «наш ответ Арно Брекеру» и «русский фашизм» — армия поклонников растаскивала Васильева на сувениры, постеры и наборы открыток, по фанатским сайтам и народным музеям, заводила блоги про «славянскую живопись», печатала графоманские книжки про «Руси волшебную палитру». И конечно, с возмущением отвергала обвинения в фашизме, потому что сын партизана, родившийся в 1942-м в оккупированном Майкопе, быть фашистом не может по определению. Превращаясь в искусствоведа, ребенок ходил на лекции по истории еврейской музыки Абрама Григорьевича Юсфина, музыковеда и композитора, к 1990-м уже давно осевшего в Петербурге, но в 1960-е преподававшего в Казанской консерватории. Человек фантастической эрудиции, специалист по мировому музыкальному фольклору и знаток музыкального авангарда, Юсфин был одержим идеей найти «еврейство в музыке» — разумеется, не в том смысле, в каком его находил Вагнер, а в том, чтобы, раскапывая древнейшие пласты «музыкальных цивилизаций», обнаружить элементы, которые можно было бы назвать специфически еврейскими, и наконец услышать, что же играл арфист Давид царю Саулу. Кажется, тем же самым занимался и Васильев — с поправкой на русское и визуальное.

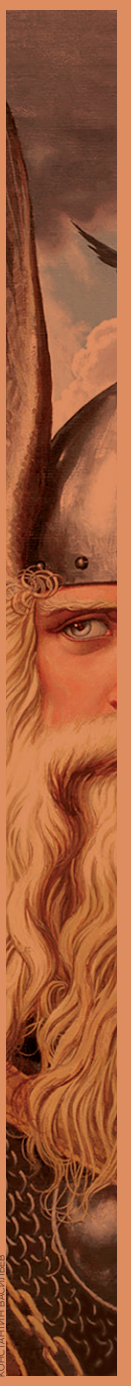
Васильев и Юсфин сошлись в Казани в начале 1960-х — их свела работа над легендарной светомузыкальной постановкой скрябинской «Поэмы огня» (из первого в истории исполнения «Прометея. Поэмы огня» с реконструированной партией светомузыки, состоявшегося на радиофакультете Казанского авиационного института в 1962 году, вскоре вырастет СКБ «Прометей» Булата Галеева, главный центр по исследованию синестезии в СССР, существовавший вполне официально — под прикрытием оборонки). Считается, что именно Васильев, увлеченный абстракцией, идеями синтеза живописи и музыки и рисующий серию портретов

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

композиторов, среди которых был и портрет Шостаковича, так понравившийся самому оригиналу, рассказал о «Прометее» своим друзьям, студентам Казанского авиационного института (один из них, Геннадий Пронин, впоследствии создаст и возглавит казанскую Картинную галерею Константина Васильева). Пока студенты-инженеры вместе с художником конструировали светомузыкальную установку, представлявшую собой колоссальный, 30 метров в длину, бумажный экран с целой системой спрятанных за ним цветных лампочек, Юсфин по их просьбе расшифровывал световую партию Luce из скрябинского нотного текста. В домашней библиотеке Юсфина были книги о сюрреалистах, Кандинском, Поллоке, Мазервелле — точно известно, что Юсфин и Васильев тогда много общались. Может быть, дискутировали о том, как пробиться сквозь цивилизационные напластования к подлинным, фольклорным истокам национальной культуры,— это было бы вполне в духе времени.

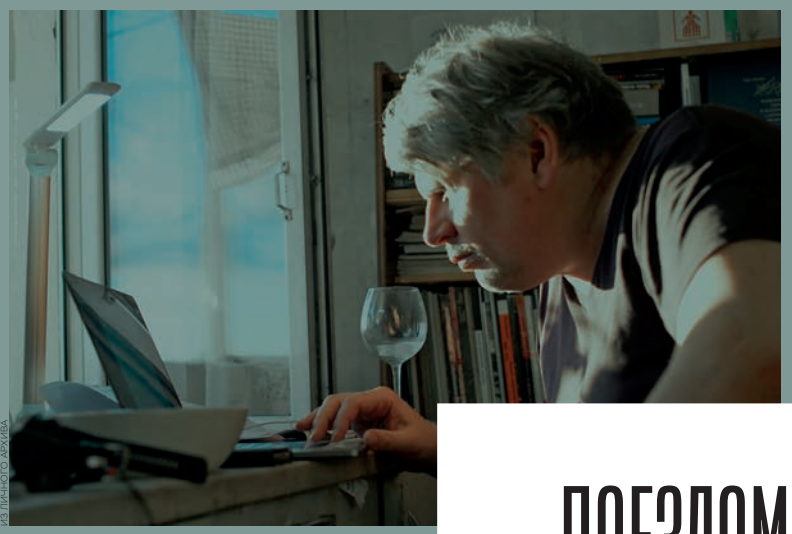
Относительно того, как складывалась духовная траектория Васильева позднее — на пути к художнику с псевдонимом Константин Великоросс спекуляций больше, чем фактов. Он, не прижившийся ни в газетной карикатуре, ни в театрально-декорационном деле, вернулся учительствовать в поселок Васильево под Казанью, где прошло его детство. Что он там читал о германо-скандинавской мифологии, Мелетинского с Гуревичем, как и все интеллектуалы-модники 1970-х, или что-то особенное, попадались ли ему книги об искусстве Третьего рейха, был ли он настолько близок к Глазунову, как об этом рассказывают глазуновские адепты,— бог весть. Парадоксально, что, пробиваясь к этим подлинно русским истокам, он обнаружил их в некоем глубинном синтезе славянского и германского — видимо, так и не смог побороть свое вагнерианство, расстаться с идеей Gesamtkunstwerk, преодолеть зачарованность немецким романтизмом, столь заметную в совершенно каспар-давид-фридриховской «Лесной готике». Вероятно, считал, что народ-победитель имеет право на арийскую эстетику — и в былинном, и в военном эпосах. Есть, конечно, что-то забавное в том, что художник, творческая жизнь которого связана с духовной атмосферой Казани, взялся очищать исконно русское от татарских наслоений — русская мадонна, светловолосая и светлоглазая «Княгиня Евпраксия», прижав к сердцу такого же светловолосого и светлоглазого младенца, низвергается с крыши княжеского терема, дабы не достаться хану Батыю. Но какие бы крутые виражи ни закладывал поздний, если так можно говорить о погибшем в 34 года художнике, Васильев, для меня он все равно остается тем выбивающимся из строя, обернувшимся солдатом — с тоской по фантастической, вымышленной и, по счастью, несбыточной родине.

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВ

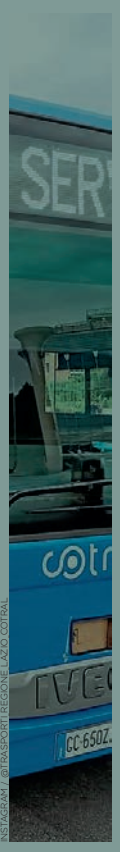
КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВ

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ПОЕЗДОМ, АВТОБУСОМ И ИНСТАГРАМОМ

Сергей Невский о своих любимых аккаунтах

INSTAGRAM / @TRASPORTI.REGIONE.LAZIO.COTRAL

INSTAGRAM / @DISCOVER.HOSTEL.S

INSTAGRAM / @TRAM.BUS.CZ

В 2004–2005 годах я жил на стипендии в небольшой горной деревушке Олевано-Романо в 50 км от Рима. В гору из города ходили расшатанные васильковые пригородные автобусы местной компании Cotral. Останавливались они у известных только местным жителям столбов; на вопрос, у какого именно столба остановится следующий автобус, местные, разводя руки, говорили: «У вон того. Но возможно, что и у этого». Расписания на столбах не было, его скачивали из интернета и заучивали наизусть, а названия местных деревень звучали как бесконечный хорей: Дзагароло, Дженацано, Палестрина (родина композитора) и Коллеферро. Я застал Италию такой, какой мы представляли ее по кино: хаотичной, неторопливой и скромной (сегодня она куда более собранна, упорядочена и респектабельна), и полюбил больше всех других стран, вместе взятых. Развалюхи-автобусы, на которых я ездил в Рим и соседние города, казались мне волшебными кораблями из прошлого. На спинках кресел были записаны магические послания местных жителей, например «Cerco un ragazzo con 30 cm» (непереводимая игра слов) или «Lella Cappella Pisella Mortadella» — явный пример школьного буллинга в отношении несчастной Леллы, которая, по мнению автора, являлась одновременно часовней, горохом и докторской колбасой. Автобусы ходили по извилистому серпантину, сигналя и нависая над пропастью, отвлекать водителя было нельзя, об этом напоминала надпись на изнанке лобового стекла: «Non parlare con l'autista» («аутист» по-итальянски — водитель автобуса). С тех пор я был в Олевано еще несколько раз, и всякий раз ключом к пониманию того, что я на месте, были знакомая убаюкивающая тряска в пластиковом кресле и ревущий звук двигателя на подъеме по серпантину.

Пандемия лишила нас легкости путешествий; сидя в изоляции в пустом Берлине или замкнутой на себе Москве, я все время пытался восстановить в памяти полузабытые детали утраченного итальянского пейзажа: камни, дома из серого песчаника, заброшенную железную дорогу во Фьюджи, виноградники и трактор в поле, монастырь и, наконец, знакомые синие колымаги с указателями маршрута на лобовом стекле. Воображение и память начали подводить, и тут я наткнулся на несколько аккаунтов в инстаграме, посвященных автобусам римских пригородов, и залип в них. Мысль о том, что мир где-то сохранил свой порядок и васильковые IVECO ездят из Рояте в Беллегру, а из Беллегры в Олевано, придавала утешение. Потом я нашел аккаунт флегматичного машиниста электричек, уходящих с вокзала Сен-Лазар в Париже, и залип еще больше. В Париже я жил 20 лет назад, и запах метро, крутые лестницы и переходы оставили у меня самый сильный отпечаток в памяти о городе — наряду со сквотами, джазовыми клубами и соснами в стеклянном внутреннем дворе Национальной библиотеки имени Миттерана. С тех пор каждый вечер перед сном я путешествую в инстаграме по тоннелям парижского метро или высматриваю новости автобусной жизни римских предместий. А когда на фотографиях итальянских autisti появляется слишком много новых машин непривычных ярких расцветок, я печалюсь и выискиваю среди них старые васильковые автобусы, напоминающие мне о счастливой римской осени 2004 года.

НАДЕЖДА НА НЕВЕСОМОСТЬ

Юрий Сапрыкин о своей любви ко всему про космос

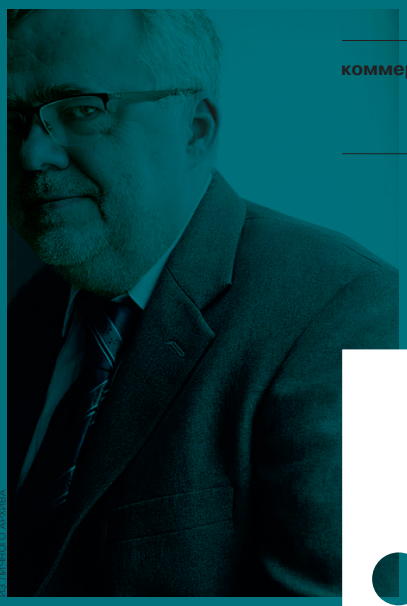

Чем больше культурное пространство становится похоже на онлайн-маркетплейс, тем меньше в нем предложений под рубрикой «стыдное». Но если вам захочется выслать курьером на мой адрес настоящую запрещенку — закажите что-нибудь про космос. Не обязательно фантастику (вообще, чем реалистичнее, тем лучше), если там не будет инопланетян, это даже хорошо, но в целом принимается все. Разное советское, от «Соляриса» до фильма «Лунная радуга» или даже телепередачи «Этот фантастический мир» (отдельной строкой — фильмы, где в космос летят дети), любые новинки, в которых уж точно нет ничего постыдного, но пусть будут и они — «Гравитация» Куарона или «Марсианин» Ридли Скотта, биография Гагарина работы Льва Данилкина или книжка Тома Вулфа «Нужная вещь», «Космический канал» на ютьюбе с советской космодокументалистикой (подписчиков у него, кажется, еще меньше, чем осталось космонавтов в России),— сгодится все. В этой сфере ограничителей действительно нет — мне нравятся фильмы «Время первых» и «Салют-7», я фанат космической живописи Алексея Леонова, при слове «музей космонавтики» или даже «планетарий» рука сама тянется к кредитной карте, и даже когда в космос запускают актрису Юлию Пересильд,— я испытываю если не национальную гордость, то сугубо частное почтение: человеку выпал джекпот в лотерее, что будем делать — завидовать будем.

Конечно, все это культурный импринтинг, фантомные боли советского детства. Ну что в нем, если разобраться, было хорошего? Романенко и Гречко, Джанибеков и Савиных. Спасибо книжкам и газетам, я знаю, в чем была проблема со стыковочным узлом проекта «Союз-Аполлон», помню обстоятельства гибели Добровольского, Волкова и Пацаева и трагическую судьбу Игоря Волка, которому после чудовищных испытаний так и не дали слетать на «Буране», могу перечислить имена всех участников программы «Интеркосмос» и вспомнить без гугла, как звали первого монгольского космонавта — Жугдэрдэмидийн Гуррагча (доживу ли я до второго?). Все это, конечно, занимает в душе то же трепетное место, что у следующих поколений — воспоминания о жвачке «Love Is» или приставке «Денди».

Фантомная боль иногда играет злые шутки: на прошлый День космонавтики, вопреки всем карантинам, я отправился в кинотеатр «Салют» на дневной сеанс смотреть фильм «Москва — Кассиопея» — и вместо невероятно возвышенной саги о межпланетных подростках в серебристом нейлоне, оттиск которой хранился на секретной полке моей памяти, увидел предельно странное кино, гибрид суконной пионерской драмы и самодеятельной «Космической одиссеи», собранной из подручных материалов, с совершенно неуместным Смоктуновским, запутавшимся в трех созвездиях сценарием и... И когда герои выходят перед полетом на Красную площадь и начинается песня «Я возьму этот большой мир», сердце все равно замирает.

Во всей этой позднесоветской ретротопии было какое-то обещание — не в том смысле, что мы вырастем, и нас всех запишут в космонавты, а в том, что мир может быть таким, ну знаете, как когда Нийя смотрит на траву и цветы под музыку Рыбникова, а не только таким, как когда Нийя томится в плену у Туранчокса, если вы понимаете, о чем я. Наверное, космос для позднего СССР был неким упрощенным светским аналогом правды небесной (против правды земной) — доступного на Земле внутреннего преображения, настолько сильного, что оно отрывает человека от Земли. Где-то на метафизической подкладке Советского Союза тоже просвечивало это обещание — не просто несбывшееся, а обернувшееся реками крови и океанами страданий, но все же отчетливо звучавшее — обещание, скажем так, что не все мы умрем, но все изменимся.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

В фильме «Большое космическое путешествие» трое детей, победителей всесоюзного конкурса, летят в космос (переодевшись все в тот же серебристый нейлон), претерпевают жуткие испытания, оказываются на миллиметр от гибели — а потом оказывается, что никто никуда не летел, и все было разыграно в гигантском подмосковном подвале, откуда дети случайно выбираются на поверхность через канализационный люк — добро пожаловать в пустыню реального (позже этот сюжет разыграет Пелевин в повести «Омон Ра», превратив симуляцию космического полета в глобальную метафору всего советского). Обещание оказалось розыгрышем, подманив мечтой о звездах, нас засунули в канализацию, вся эта космическая гонка — лишь отблеск геополитических амбиций, побочный продукт ВПК, сжигающий человеческие судьбы, как отработанные ступени ракеты-носителя. Как это ощущается на собственной шкуре, даже у тех, чья мечта осуществилась,— наверное, довольно правдоподобно показано у Дэмиена Шазелла в фильме «Человек на Луне»: ты летишь на дикой скорости в грохочущей полутемной консервной банке, а потом оказываешься на Луне, а там ничего, кроме твоего собственного одиночества. Все так — но обещание было.

Вообще, нельзя сказать, чтобы космос был сейчас в дефиците, в последнее время его даже слишком много, и он вновь вызывает всеобщий восторг — правда, перейдя в иное агрегатное состояние. Космос теперь — это дизайнерский ракетоплан, придуманный очередным миллиардером, внутри — пара миллиардеров рангом поменьше и какая-нибудь звезда «Стартрека», чтоб было прикольно, их забрасывают неглубоко в стратосферу (в прямой трансляции в ютьюбе) и потом подсчитывают лайки. Это космос техно-атланта, «меняющего мир к лучшему»,— то есть поражающего менее амбициозное человечество размерами своих расходов в сочетании с обтекаемо-эргономичным дизайном. Там, где Джанибеков спасал обесточенную станцию «Салют-7», теперь рассекает манекен в красной «Тесле» под звуки песни «Space Oddity» (великий трек, безнадежно опошленный всем этим фанки-бизнесом, выучите уже другую песню про космос).

Слово «вселенная» все чаще употребляется с приставкой «мета», и нет сомнений, что за этой вывеской скрывается все то же иллюзорное подземелье, что в «Большом космическом путешествии», только без испытаний и собственно мечты. И все же, слава новым технологиям, теперь всегда можно отключить трансляцию запуска очередного «крю дрэгон» и пересмотреть еще раз фильм о тренировках первого отряда космонавтов, даром что я и так его помню наизусть: ведь если что-то я забуду, вряд ли звезды примут нас.

Е.ЖЕЛЕЗКО ПРОДАКШН

СЕРГЕЙ КИСЕЛЕВ

О СЕБЕ НЕСТЫДНОМ

Дмитрий Быков о том, как он читает себя

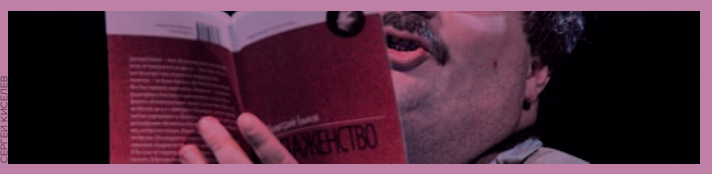
ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

У меня много sinful — или, как их еще называют,— guilty pleasures: я с удовольствием читаю графоманию, которую мне присылают гигабайтами, и не потому наслаждаюсь этим, что люблю самоутверждаться за счет чужой глупости, а просто мне присуща читательская эмпатия. Что с наслаждением пишется, то и читается в охотку. Особенно я люблю эротические и садомазохистские рассказы на эти темы, они смешнее всего. Еще я люблю читать патриотические бложики про то, как нам вредят англосаксы. Иногда я даже читаю новые тексты Юнны Мориц, хотя признаваться в этом вовсе уж стыдно — грешно смеяться и т. д. Но это все, так сказать, общечеловеческое и, говоря по-ахматовски, недостаточно стыдно, чтоб быть журналистикой. Но я иногда читаю себя, и это действительно неприлично.

То есть это считается неприличным — бог весть почему. Когда в сети появляется моя фотография с чьей-то книгой, обязательно находится остряк (обычно из брайтонских, не географическая, а психологическая характеристика), который спросит: что это Быков читает с таким вниманием, не себя ли? Иногда едешь со своей книгой из магазина, раскроешь ее в метро — обязательно кто-то сфотографирует и выложит. Читать себя считается столь же неприличным, как себя трогать или нюхать, хотя нюхают себя все — просто для проверки,— а трогает большинство. Особенно те, кого больше никто не трогает. Таких людей, судя по страшному взаимному раздражению в транспорте, больше, чем принято думать.

Читаю же я себя не для удовольствия,— хотя, что говорить, большинство современников пишет скучнее, многословнее, жиже и т. д. Верней, это удовольствие особого рода: я ведь понятия не имею о том себе, который, собственно, пишет. Многие не отдают себе отчета в том, что в них сосуществует несколько личностей, которые актуализуются в разное время. Я, преподающий в школе, я, спящий с женой, я, говорящий с ребенком, я, пишущий в номер,— не слишком похожие люди; стихи пишу вообще не я, они откуда-то берутся, и когда долго не появляются — я ненавижу всех вокруг, а себя больше всех (исключение составляют мои собственные дети, которых я не ненавижу никогда: вероятно, потому, что тоже не понимаю, откуда они взялись и как это со мной связано). Проза — это, пожалуй, наиболее полное выражение того, чем я являюсь на самом деле, и этот человек мне интересен, мне хочется с ним поговорить; но большую часть времени он проводит в своем тайном убежище, не высовываясь, и что я действительно думаю о людях — мне, как правило, неизвестно. Внутри себя я все понимаю, но почти ни в чем себе не признаюсь, отсюда все эти неконтролируемые вспышки тоски или раздражения. Но когда пишу — это подлинное «я» ненадолго вылезает из пещеры и признается мне в моем истинном отношении к происходящему. Это процесс очень болезненный, поэтому прозу я пишу без особенной охоты; но если этого иногда не делать — ненависть, в которой себе не признаешься, накапливается. Так что раз в два-три года писать роман или сборник рассказов все-таки приходится.

У Мандельштама был один инскрипт, где он характеризует свою книгу стихов («Камень», насколько помню) как «вспышки сознания в полусне будней» или что-то в этом роде; да, большую часть дня я существую на автопилоте, себя не сознаю,

СЕРГЕЙ КИСЕЛЕВ

а разговариваю всерьез, наверное, с двумя-тремя людьми на свете. Хорошо, с десятью. Один из таких людей — Анька Качуровская, вот вчера сидим мы с ней в грузинском кафе Резо Гигинеишвили (еще одного из таких людей, кстати), и я ей говорю: Анька, ведь в чем бы я ни признался — всегда страшно испортить репутацию. И тут она говорит: вдумайся, чем ТЫ можешь испортить свою репутацию? Ведь люди, которые тебя ненавидят, ненавидят тебя не за поступки, а за тебя самого, и что бы ты ни сделал — они тебя не полюбят. Так что, да, хватит бояться: я себе интересен. Я себя не знаю. Всякий раз, читая себя, я не то чтобы «поражаюсь своему уму» (Д. Самойлов),— напротив, я поражаюсь тому, что вот, оказывается, живу и пишу как взрослый (а мне только что исполнилось 54). И что вот, оказывается, что я знаю,— никогда бы не подумал. Ну и вообще — выглядит вполне как литература, словно человек ходит по твердой земле, а не по канату. Я не нравлюсь себе, нет, но поражаюсь тому, что я до сих пор жив, и что могу формулировать какие-то вещи, и что вообще существую. Большую часть остального времени, едучи на работу или закупаясь провизией, я в этом совершенно не уверен.

ВЯЧЕСЛАВ ПРОКОФЬЕВ

ДА ИХ ТУТ ТЫСЯЧИ!

Ксения Букша о любви к мемам и анекдотам

My guilty pleasure: мемы, баяны, дурацкие анекдоты.

Помню, 1995 год, мне лет 11–12, плетусь из школы, скучновато, погодка серая… Но вот в переходе у метро — лотки, а на одном из них меня — о радость! — поджидает новый выпуск газеты «Вокруг смеха». Большая, яркая, с кучей страниц, на каждой из которых тупые смешные картинки, идиотские шутки про тещу («за что сидишь? — у тещи кровь из носа пошла, я ей жгут на шею и наложил…»), панка, который попал в больницу и прилип к потолку («скажите там, наверху, чтоб с магнитом не баловались»), некрофилов («…и откопали стюардессу»). А карикатуры на политиков! А кладбищенские байки! А перепетые советские песни! А шутки про говно! Спускаясь по эскалатору, я ржу в голос. На перегонах лопаюсь от смеха. Едва не пропускаю свою остановку. Школа мгновенно отдаляется, невзгоды забыты, мир снова ярок, а жизнь прекрасна.

Любовь к тупому юмору я сохранила и пронесла сквозь годы Джойса-Кафки. Пусть меня так и не хватило ни на один сериальчик, а книжки, свои и чужие, я называю текстами и ценю в них не сюжет. Но стоит мне увидеть тупой мем, на котором ведущий погоды Александр Беляев стоит у карты России, а на ней, на манер температуры воздуха, написано в разных местах: «…», «и тут …», «ваще …», «полный …»,— как я, согласно тупой песне «каждую пятницу я в говно», превращаюсь в озорную свинью. То есть начинаю хрюкать и визжать. Кстати, та песня меня тоже очень смешит. Кстати, вы заметили, что слово «говно» встречается в моем тексте уже третий раз?

Признаюсь: с годами я все же стала несколько более разборчивой. Например, я больше не рассказываю анекдот «симпатичная блондинка, 18 лет, Водолей, 175, 90–60-90, купит вагон кровельного железа». Ну то есть, как видите, рассказываю, но только если меня специально умоляют: расскажи да расскажи, Букша, тупой сексистский анекдот специально для рождественского номера. Существует целый пласт юмора, который даже для меня плосковат. Несмешные национальные шутки, отечественные телекомедии со смехом за кадром (в эти бездны я почти не заглядывала, но от увиденного мельком смешно мне не стало, как говорил Веничка, стошнить-то уже ни за что не стошнит, а вот сблевать — сблюю). Зато я обожаю мемасики («Здравствуйте. Я эксперт-ВОБЛА сти дурацких шуток»), смотрю стендаперов про геморрой и шизофрению, а мой старший сын-школьник даже выбился в админы странички с мемами «Постироничная гимназия 610». Есть пара анекдотов, которые смешат меня каждый раз, как в первый. Расскажу их в сто первый и даже не буду извиняться. «Привет, это мой новый друг Алеша.— «Аааааа!!! Мертвый лось!!!..— Пойдем, Алеша, нам здесь не рады». «Звонок на завод. Позовите Петрова.— Нет Петрова.— А в цеху его нет? — Овцехуев у нас вообще не работает». Еще я очень люблю анекдот «да их тут тысячи» и про инженера, попавшего в ад. (Эти, если вдруг не встречали, погуглите сами.)

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

У моего guilty pleasure есть и другая сторона. Так как я подхватываю и годами повторяю шутки на все актуальные темы, даже если их начальный повод все давно забыли, то я помню и песню «План Путина родом из Чуйской долины», и пародийную пресс-конференцию, на которой перзиденд уничтожает Челябинскую область. Когда я смотрела ее в пятый раз, то была уверена, что в графе «причина смерти» напишут: «сдохла от смеха». А прошлой зимой Россия увидела как минимум два образца героического политического юмора высочайшего класса. Первый — это фильм, снятый с дрона, про дворец некоего чиновника, а второй — когда жертва покушения звонит в ночи одному из его организаторов и ведет бесконечный, потрясающе смешной диалог про трусы. А помните перформанс про Богородицу и пляски в храме? А вставший Литейный мост с нарисованным членом? Все это — смешение низкого и высокого, это юмор, точно и сильно попадающий в цель. Такой юмор ведь тоже не назовешь интеллектуальным — но это и не нужно. Когда при мне начинают сокрушаться, что-де шутить больше ни о чем нельзя, ни про женщин не пошути, ни про мигрантов, ни про безумцев, все стали такие обидчивые, у всех триггеры и проч., и проч., хочется сказать: да не шутите вы про тех, кому и так хреново, шутите про тех, с кем шутить опасно. Такие шутки всегда в цене.

И вот почему, как по мне, самый крутой анекдот прошлого века — это анекдот национальный. Евреи, погибшие в Холокосте, сидят в раю, вспоминают пережитое и… смеются. Бог слушает-слушает и не выдерживает: «Ребята, но это же ужасно, то, что произошло, чего тут смешного?» — «Тебе не понять, тебя там не было».

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ЖУРНАЛ «ВОКРУГ СМЕХА»

СМОТРЕТЬ ЗАПОЕМ

Елена Ванина о передаче «Давай поженимся!»

Я открываю глаза и вижу свою руку. Рука сжимает небольшой гаечный ключ. Что это за ключ? Откуда он взялся, мне решительно неизвестно. То есть совсем. Но это сейчас совершенно неважно. Уже через секунду на меня обрушивается такое похмелье, что становится ясно: легко не будет. Я лежу в номере дорогой гостиницы, завернувшись в одеяло, про которое обычно пишут что-то вроде «залог спокойного сна, победа над стрессом и тревожностью». Но тревожность как раз подбиралась. И было понятно, что одеяло эту проблему точно не решит.

Похмельное смотрение — это важный жанр. Когда-то в университете один друг сказал, что с похмелья нужно читать что-то очень сложное и очень умное. Деррида, например. Я не помню уже, почему и зачем. То ли чтобы не чувствовать себя свиньей. То ли чтобы мозг переключился. Но где тот друг? И кому вообще с похмелья помог Деррида? А помогал иногда Ваня Ургант. Особенно рубрика, где дети объясняли Урганту, что он ничего не знает о жизни, особенно хорошо помогала. Были попытки лечиться сериалом «След» (2663 серии, 28 сезонов, безуспешно), тиктоком (вполне успешно), пересматривать ролик про «Бесконечно вечное» или искать мемы про котов.

Я лежала на боку на мягкой подушке и стонала. Рядом лежал какой-то пульт. Я не глядя нажала одну из кнопок, все вдруг зажужжало, заскрипело, и из спинки кровати в ногах медленно и величественно выплыл телевизор. Выплыл и сразу включился. Картинки еще не было, но с черного экрана ко мне (конечно ко мне) обращался строгий голос: «Милая моя! Я все понимаю. Моя мама говорила: одна рюмочка расправляет нервишки. Но это! Это!!! Это уже запой, рыба моя!» Да, захотелось сразу крикнуть в ответ. Простите меня, Лариса Андреевна!

Я не специально. Я сразу узнала этот голос. По первому каналу шла программа «Давай поженимся!». Ее ведущая Лариса Гузеева объясняла потенциальной невесте, что ее бывший — проходимец и просто-напросто алкаш.

Если кто-то вдруг не в курсе (но я, конечно, в это никогда не поверю), программа «Давай поженимся!» — про то, как одна невеста или жених должны выбрать себе достойную пару из трех кандидатов. Программа по телевизору быстро закончилась, но остановиться было невозможно. И вот уже Лариса Гузеева хвалила какого-то мужчину: «Вы чем мне понравились? Проживая долгое время за границей, не превратились в иностранца. Потому что они ведь и жадноваты, и перед женщинами хвост не пушат». Мужчина кивал и убеждал, что он вовсю готов. И на хвост, и, если понадобится, пушить. «А деньжата у вас есть? — расспрашивала его сваха Роза Сябитова (да-да, там есть еще и сваха).— Только вот реальные деньги, а не какие-то там биткойны». «Никакие, никакие не биткойны,— успокаивал ее предприниматель из Лондона.— Реальные деньги. Реальный капитал, который можно вывести».

«Здравствуйте, у меня самый длинный нос в России, и я пришла сюда найти свою любовь»,— приветствует барышня своих женихов со сцены студии. Один жених из Германии — «С таким же длинным носом, как у тебя. А ведь как хорошо, когда у супругов во внешности есть что-то созвучное». Второй — татарин из небольшого села, который в качестве сюрприза

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

(обязательная часть шоу) привел в студию настоящих овец, которых им с невестой нужно было загнать в стойло. Про третьего я уже забыла. Потом мама невесты играла на баяне, а невеста пела: «Выбери меня, выбери меня, птица счастья сегодняшнего дня». В конце программы невеста сообщила, что выбирать она никого не собирается, потому что это ранит сердце. И поэтому она выбирает всех троих.

Нет, это не фигура речи. Она берет всех трех в мужья. «Постойте,— искренне возмутилась Гузеева,— но от кого же будет ребеночек?». «От всех троих готова,— заявила девушка, скромно потупив глаза.— Буду носить им кофе. И делать массаж. Каждому. Каждый день». Гузеева даже немного разозлилась. «Детуля, умерь пыл! Ни одного мужика не было! А теперь сразу троих подавай!» «Да,— уверенно отвечала невеста,— сразу троих! Я хочу сразу всех трех».

Я смотрела и смотрела. Было понятно, что «Давай поженимся!» — это русский «Твин-Пикс», русский «Клан Сопрано», «Братья Карамазовы» и «Евгений Онегин».

Вот на сцене появляются два качка в красных трусах и шкурах. Сначала они бьют себя в грудь, потом высыпают себе на голову снег из тазов. Гузеева хлопает. «Вы ж мои маленькие, мои мокренькие, мои хорошие». Потом на сцене появляются две близняшки с одинаковыми прическами, в одинаковых платьях и с одинаковым макияжем. Женихи, кстати, были просто братьями, но одеты тоже почему-то одинаково. Девушки предлагают совместный танец. В студии начинает играть «Ты за что любишь Ивана? — Что головушка кудрява». Четверка пляшет. Кто-то кого-то уже приобнимает. В общем, пошла энергия. И вдруг за их спинами на сцене появляется медведь. Точнее, человек в ростовой кукле медведя. И тоже начинает пританцовывать.

Один из качков, заметив медведя краем глаза, молниеносно реагирует. Удар под дых, и вот мишку уже взяли на руки и утащили за сцену. Танец продолжается. Девушки довольно кричат: «Ура! Ура! Они нас защитили!» Но медведь не успокаивается и появляется в студии снова. И так как танцевать с качками опасно, уверенно отправляется к Гузеевой с Розой Сябитовой, которые в этот раз едят блины (тема передачи — Масленица).

«Бедненький мой,— жалела Сябитова медведя.— Зачем они так с тобой? Давай я тебя блинком накормлю!» «Сметанки, сметанки ему туда!» — нежно добавляет Гузеева. И медведь правда старается схватить блин. То лапой, то пастью. Но не для того шили эти костюмы, чтобы ими ели блины с икрой. Всё в итоге оказывается напрасно — и медведь, и икра к блинам, и даблдрессинг. Качки предпочли сибирским близняшкам ростовскую блондинку, которая тоже с ними танцевала. Но без медведя. И в купальнике. Я нажала на «стоп», потому что поняла, что лучше сегодня уже не будет.

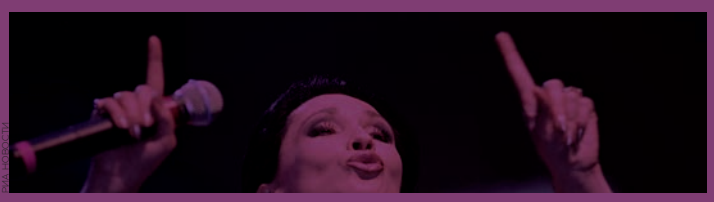
Но если и есть у русского человека настоящий «гилтиплежер», то случается он один раз в год. И звучит примерно вот так: «Уважаемые граждане России, дорогие друзья! Мы с вами проживаем непростое, но очень интересное время! И этот год в очередной раз показал, что...»

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ПЕРВЫЙ КАНАЛ

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ЛИПКОЕ ПОЛУСЛАДКОЕ

Полина Аронсон о том, как слушает Ирину Аллегрову

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий я закрываю поплотнее окна и врубаю на полную мощность Ирину Аллегрову. Весной этого года она спасла меня в очередной раз. В глубине бесконечного локдауна, после нескольких месяцев взаперти, на пробежке я начала слушать «Бордерлайн» Земфиры. Земфира стонала — и я стонала вместе с ней; вся жизнь была тлен и тщета, надежды не было. На «Письме» я сломалась; среди мутных луж я перебирала в Spotify опции, способные составить антидот. Он предложил мне «Угонщицу» Аллегровой — и взошло солнце. Я бежала в старых трениках вдоль замусоренного берлинского парка Гумбольдтхайн — а не дефилировала по набережной в красивом пальто, как Николь Кидман в сериале «Undoing». Я не встретила Его, грипп не закончился — даже вакцину еще не подвезли,— но никто не умер, а я бежала и гоготала во весь голос от радости за чужую тетку, которая не видит ничего криминального в том, чтобы качнуть своим плотно обтянутым бюстом в сторону какого-нибудь младшего лейтенанта и лишить его на веки сна и дара речи.

В этот момент я поняла, что не хочу быть Земфирочкой, а хочу быть Ирочкой. К черту тревожное ожидание милостей от природы. Ирочка не камлает «жди меня-а-а-а» — Ирочка честно признается: «Я тебя ждала-ждала, а потом взяла и угнала». Ирочка не скажет «абьюз», Ирочка скажет: «ты о***л?» — и есть шансы, что ее услышат лучше, чем Земфирочку. Земфирочка боится сгореть заживо — а Ирочка всю жизнь горит, пламенеет леопардовыми лосинами, и ничего ей не делается. Ирочка валяет дурака, косячит, любит разных идиотов, бросает их, снова к ним возвращается; Ирочка честно пытается понять себя и иногда грустит, когда у нее это не получается, но другие ее интересуют намного больше, и через некоторое время она снова возвращается на танцпол и подмигивает мужчинам густо подведенными глазами. Привет, Андрей!

Ирочка — это больше, чем дурной вкус, чем липкое полусладкое в буфете БКЗ «Октябрьский». Ирочка — это веселый и бесшабашный захват власти, это карнавальный первертыш и жизненная сила. Любую коллизию она выворачивает наизнанку, сиськами наружу; она живет в непрерывном эксперименте над собой. Аллегрова — это попытка утвердить право зрелой — и видавшей разнообразные виды — женщины на свой собственный кайф, а кому не нравится — будьте сложными и плачьте у окна, дело ваше. В этом смысле ее песни удивительно феминистские: в стране, полной одиноких женщин среднего возраста, Аллегрова смеет заявлять, что флиртовать можно и на пенсии, было бы желание. И что стразики — это так красиво.

В минуты звериной серьезности Ирочка незаменима; она откачивает меня от цитокинового шторма питерским иммунитетом ко всему живому. С ней можно все, как тридцать лет назад можно было в гостях у дачной соседки Вички: вылизывать крем из миски, никогда не выключать телевизор, приклеивать накладные ногти, рисовать в песенниках и звонить в час ночи мальчику из параллельного класса, чтобы подышать в трубку. Дружить с Вичкой мне не очень разрешали — по определению моей бабушки, она была «пэтэушницей». Но именно такой подруги мне, оказывается, не хватало всю жизнь: в восьмом классе Ирочка знала, где взять мамину помаду и сапоги старшей сестры, чтобы отправиться в кабак, конечно. На пятом десятке она знает, в каком турецком отеле самые лучшие лежаки (и конечно же, самые нежные массажисты). И это она, Ирочка, молча варит мне большое какао с маршмеллоу, когда абонент снова временно недоступен. Ирочка, что бы я без тебя делала в своем библиотечном локдауне, в книжной пыли и муках саморефлексии! Я рада, что ты у меня есть. А что здесь криминального?

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ФАБРИКА ГРЕЗ С ВАШИМ ЛИЧНЫМ УЧАСТИЕМ

Тимофей Кулябин о том, в кого он стреляет

Бывает так, что очень нужно очень быстро сбежать в какую-то совсем другую реальность. Такую, в которой нет нас всех — и, самое главное, нет тебя самого. Разные люди поступают в такой ситуации по-разному, а у меня на этот случай есть PlayStation. Четыре кнопки — и можно сколько угодно времени просто мочить зомби, к чему в принципе сводятся самые популярные компьютерные игры. Но все сложнее. Тут надо понимать, разбираться надо, понимать тонко.

Многие игроманы в интернете играет в тупые стрелялки — чистое уничтожение пикселей при помощи других пикселей. Это отстой. В хороших дорогих играх есть сценарий, который превращает тебя в персонажа,— и ты проходишь этот сценарий, становясь «кем-то» (то есть переставая быть собой — помните?). Самые интересные сценарии вариативны, поворот сюжета зависит от того шага, который ты делаешь. Тебе кажется, что ты влияешь на исход событий,— но это только тебе кажется. Потому что ты все равно игрок в конечной игре, а количество возможностей игрока, оно посчитано, придумано и разработано кем-то заранее. Развилок сюжета может быть двадцать, тридцать, сорок — и рано или поздно они заканчиваются. Можно спасти вон того ребенка, но следующие зомби все равно будут ждать тебя за следующим поворотом. Словом, все как в жизни.

Открытых финалов у компьютерных игр не бывает. Пока, во всяком случае, это невозможно ни за какие деньги, хотя бюджеты больших дорогих игр в общем-то ничем уже не отличаются от голливудских бюджетов. Фабрика грез, только с вашим личным участием.

Зато эти бюджеты позволяют сегодня сделать любой игровой трэш-хоррор таким натуральным, что он действительно превращает тебя в персонажа второй реальности: нажимаешь на кнопки и сам при этом орешь от страха.

К тому же фигуры в этих играх в последнее время перестают быть анонимными. Попадаешь не просто в какую-то условную пиксельную среду, а вообще-то в полноценный каст. Для игры Cyberpunk 2077, например, снимали Киану Ривза.

Есть еще, правда, guilty pleasure второго уровня — блоги стримеров. Стримеры под камеру проходят новые компьютерные игры и одновременно комментируют этот процесс в прямом эфире: у самого популярного такого стримера сегодня 16 млн подписчиков. И это уж совсем какая-то третья реальность, наблюдение за играющим.

Я, правда, так и не превратился в настоящего игромана, если сценарий убогий или снято плохо, могу бросить через полтора часа. Но иногда могу уйти на два дня или две ночи и не вернуться. То есть вернуться, конечно: прийти на репетицию спокойным и терпеливым, победившим всех зомби.

CD PROJEKT

ДОЖИТЬ ДО РУЧКИ

Борис Филановский о новых перьях и старых играх

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Хобби у меня никогда не было. Музыка заполняла собой внутреннее и внешнее, так что не возникало никаких пустот и потребностей. Но в последние лет шесть я, видимо, внутренне как-то располнел (что уж говорить про внешне) — и появилось место сразу для двух не то чтобы хобби, а увлечений. Или, скажем более честно, зависимостей. Это перьевые ручки и абстрактные игры.

Первое возникло на фоне жесточайшего writer's block. Я решил писать эскизы не карандашом, а ручкой, это оказалось настолько приятно, что я стал покупать разные ручки, начал разбираться в перьях. От страха перед чистым листом не осталось и следа. Затем я стал вести дневник, чередуя чернила разного цвета (если вы не в теме, вы не представляете себе богатства цветовых возможностей); из дневника получилась книжка «Шмоцарт».

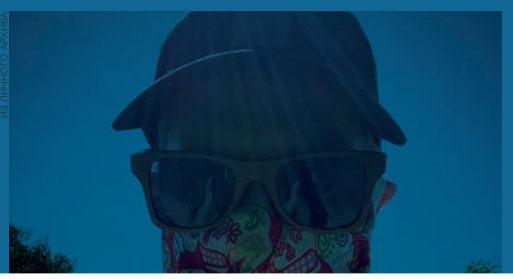
Как-то я сидел без денег, очень хотел купить одну ручку за целых 75 евро и размышлял, под каким предлогом я могу себе это позволить. Я пришел к выводу, что такая безответственная трата возможна только под видом ответственной. То есть вложения в производство. Но что я могу произвести, кроме автографа? К нему должно прилагаться еще нечто. Так возникла идея direct music, пьес по заказу любого желающего, который получает видео исполнения на ютьюбе и полный автограф. Сейчас таких вещей у меня уже 53.

Отдача от другого хобби оказалась гораздо менее ощутимой. Да что там, это не отдача вовсе, а сплошные моральные потери. Началось с того, что я посмотрел на ютьюбе одну классическую партию в го и был потрясен формальной красотой, витальной энергией и психологической глубиной. Я иногда старался представить себе, кем мог бы стать, если бы не был музыкантом,— наверное, архитектором; а теперь думаю, что игроком в го. Очень быстро стало ясно, что моего внутреннего ресурса не хватает на то, чтобы играть постоянно: помимо счета, более разветвленного и вероятностного, чем в шахматах, го требует таких качеств, которых у меня нет и которые очень сложно сформировать в зрелом возрасте. Зато я стал играть в более легкие абстрактные игры — от вполне известных Blokus и Abalone до более экзотических, таких как Duke или семь игр проекта GIPF, или совсем уже эзотерических Onitama или Axiom. На этом пестром фоне неизменной остается любовь к го, а также к сёги, японским шахматам, где съеденные фигуры противника переходят в твой резерв и могут быть поставлены на доску.

У меня есть все игры, в которые я люблю играть. Мне нравится тактильный аспект игры, нравится играть с живым человеком. Мне сложно найти партнеров: круг моих знакомств преимущественно музыкальный и гуманитарный, а такие люди по большей части воспринимают предложение поиграть как странную блажь. Да и своих детей, естественно, соблазненных интерактивной роскошью компьютерных игр, я не сумел приохотить к стратегическим абстрактным красотам.

Конечно, эти мои эволюции — городские, изнеженные. Вот один коллега увлекается паровозами и тепловозами. Настоящими.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

СЛОВА И ДНИ

Михаил Идов о том, как он решает кроссворды

Я не очень верю в «стыдные удовольствия» — это какое-то слишком протестантское понятие,— но есть одно времяпровождение, встретиться с другими поклонниками которого мне было бы немного неловко. Это ежедневный кроссворд The New York Times, который я заполняю с религиозной преданностью уже лет двадцать.

Тут следует, наверное, пояснить — по крайней мере, чтобы совсем не сгореть от стыда,— что американская школа кроссвордов сильно отличается от русской. Пластичность языка позволяет гораздо более плотное заполнение сетки — почти все клетки находятся на пересечениях слов, а редкие пустые квадраты обязаны формировать узор по строгим правилам вращательной симметрии. Мини-сетку пять на пять на английском языке довольно легко составить вообще без единого пробела, что в русском, кажется, недостижимо. (Даже Набокову, отцу русских кроссвордов и автору слова «крестословица», это не удалось.) И даже в рамках этой школы кроссворд «Таймс» считается самым технически сложным и каверзным. Например, в 2012 году один «конструктор» — так называют авторов кроссвордов в нашей, хм, общине — уложил пять пятнадцатибуквенных ответов один на другой. Еще у кроссвордов «Таймс» есть гениальный метааспект — они усложняются изо дня в день от понедельника к субботе (воскресные менее заковыристые, зато самые большие), так что за неделю ты проходишь этакий образовательный цикл. Тем не менее для 25-летнего человека хобби это все равно было довольно странное.

К 35 годам, исчиркав примерно 3000 мазучих газетных страниц, я переехал жить в Москву, что временно помогло избавиться от этой зависимости. Но спустя еще пару лет произошло нечто страшное: «Таймс» перезапустила свой кроссворд в виде отдельного приложения для телефонов. Вместе с этим в мою жизнь пришел секундомер и счетчик дней. Как любой другой американский вид спорта, крестословица стала заложницей статистики: там, где ты раньше лениво заполнял сетку между глотками кофе, теперь ты решаешь на скорость, сражаешься с собственными рекордами, прилежно уменьшаешь по секунде-другой «среднее время решения» и пытаешься дотянуть свой личный streak — непрерывную полосу золотых звездочек, знаменующих решенный вовремя кроссворд,— до круглого числа. Иными словами, хобби стало еще постыднее и еще в сто раз аддиктивнее.

Самые безнадежные из нас вывешивают в твиттер триумфальные скриншоты в надежде на похвалу и ретвит от самой газеты. Создатель «Чернобыля» Крейг Мэйзин, например, запостил свои «500 дней», когда «Чернобыль» еще был в эфире,— то есть, судя по всему, он не прервал свою полосу ни на день даже во время работы над сериалом! Я по сравнению с ним слабак — начало съемок «Юмориста» в 2017-м стоило мне полосы в 255 дней, которую я с тех пор так и не смог превзойти: она становится жертвой то трансатлантических перелетов, то ковида, то еще чего-то. На сегодняшний день мой счетчик стоит всего на 85. Общее количество решенных в приложении кроссвордов — 1654, рекорд понедельника — 3:20 (быстрее не получается печатать), рекорд субботы — 7:50, процент успеха — 100%. Хотя подозреваю, что определение «успеха» в данном случае сильно отличается от общечеловеческого.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ПОЛЮБИТЕ НАС ТЕПЛЕНЬКИМИ

Максим Семеляк о том, как новая чувствительность отменила стыдное

Похоже, никаких особенных guilty pleasures у меня толком и не осталось. С одной стороны, удовольствий как таковых вообще становится сильно меньше, чтоб их еще и дополнительно сортировать, а с другой — что, собственно, теперь считать стыдными радостями? Спорадическое прослушивание отдельных композиций раннего русского рока по достижении определенной отметки промилле? Во-первых, не назвал бы я это таким уж удовольствием, во-вторых, тут речь скорее о том, что Зощенко называл неверными условными рефлексами,— стандартное наследие перестроечного отрочества. Но главное — само понятие вроде бы неуклонно теряет актуальность.

Взять текущую экранизацию «Санта-Барбары», которую исландский художник Рагнар Кьяртанссон прямо сейчас делает для «ГЭС-2»,— данный стосерийный перформанс как раз хорошо иллюстрирует перемену отношения к условным guilty pleasures (нетрудно предположить, что «Санта-Барбару» все причастные к данному арт-проекту считают чем-то подобным, ну уж Кьяртанссон-то точно).

Вы легко и справедливо возразите — можно подумать, что раньше такого не было.

Разумеется, еще как было — и все мыслимые индульгенции попискусству давно выданы в прошлом веке что Ханной Арендт, что Сьюзен Зонтаг, что, наконец, Андреем Андреевичем Вознесенским, справедливо отмечавшим, что «в пошлятине и дешевизне есть боль, оплаченная жизнью». Наконец, уже в новом тысячелетии само обрушение принципа «высокое—низкое» в угоду нивелирующим экономическим мотивам вполне исчерпывающе обрисовал Джон Сибрук в книжке «Nobrow».

Мне вспоминаются разве что некоторые нюансы.

Вторая половина девяностых и частично начало нулевых прошла здесь под знаком пристального внимания к трэш-культуре в самом широком смысле. Это было время реабилитации (пополам с реинкарнацией) разнообразных невысоких жанров — хоррор-фильмы, тотальный easy listening, социалистическая эстрада, кажущийся эзотерическим блатняк, гитарный стиль surf и так далее.

Волна была достаточно аргументированной для того, чтобы, к примеру, французский режиссер Жан Роллен на некоторое время показался ярче французского режиссера Жана Ренуара, а любая лаунж-нотка из эротической итальянской комедии стала во всяком случае моднее, чем сколь угодно изысканный авант-рок. И сам я в те годы был ровно на этой волне — читал «Цемент» Федора Гладкова, предпочитал Аркадия Северного Джону Колтрейну и моей настольной книгой была энциклопедия Майкла Уэлдона под названием «The Psychotronic Encyclopedia Of Film», имевшая подзаголовок: «Более 3000 самых диких фильмов, когда-либо снятых человеком». С «Цементом» я, пожалуй, погорячился, но глобально — я не жалею о том векторе на понижение.

Вроде бы сейчас с этой «Санта-Барбарой» происходит то же самое.

То, да не то.

Если верить современной теории, нынешняя культурная ситуация развивается по принципам метамодерна, который в свою очередь являет собой некую осциллятивную смычку модерна с постмодерном, но с претензией на повышенную чувствительность и бережную искренность, в рамках которой любой тревожный внешний раздражитель работает в конечном итоге на принятие себя (отсюда такая востребованность терминов поп-психологии в описании культурных феноменов).

Грубо говоря, если модерн — это «полюбите нас черненькими», тогда постмодерн — это полюбите нас хитренькими, ну а метамодерн, соответственно,— полюбите нас тепленькими. Или, как пишут теперь в описаниях иных арт-проектов в графе «цели и задачи»,— «помечтать и подурачиться».

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

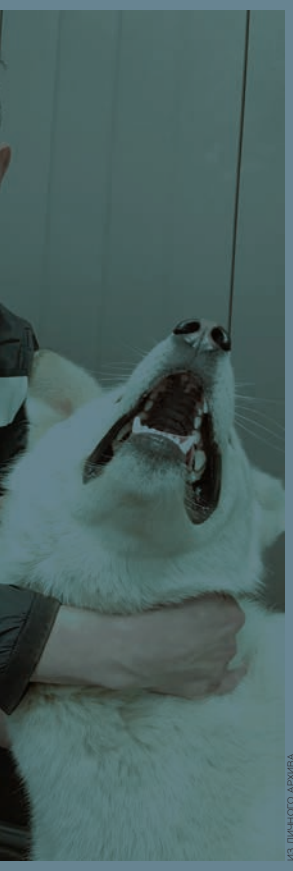

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

В этом смысле вышедший в этом году титанический, без шуток, труд, посвященный инклюзивному подходу к постсоветской поп-музыке, носит довольно характерное название — «Не надо стесняться». Нынешний интерес к «Санта-Барбаре» и поп-ужасам девяностых действительно напоминает движение «Долой стыд» с его правом на голый проезд в общественном транспорте, тогда как предыдущий трэш-бум был скорее про точечную культивацию бесстыдства в рамках селективных оргий. Подзаголовок книги предупреждает, что описанные в ней 169 поп-хитов знает почти каждый житель России, хотя и не всегда по своей воле. Иными словами, слушатель изначально приводится в позицию пациента — «не по своей воле». Это принципиальное отличие от искателей культурных трэш-приключений в девяностые — тогда разнообразный идиотизм служил скорее аналогом подарка для самого слабого. Каждый выискивал его себе сам, дабы избежать совпадений с ближним. В то время как эпическая переделка «Санта-Барбары» и «Не надо стесняться» настаивают как раз на масштабе и унификации: якобы все слушали «Кар-Мэн» или даже группу «Ван-Моо», параллельно не отводя глаз от соответствующего американского мыла. Во-первых, их никто не слушал. А во-вторых, если кто и слушал — с какой стати это так уж поощрять?

Зачем в девяностые молились на трэш-культуру, я примерно могу пояснить. Цель была очень простой: поехать мозгами как можно дальше и как раз от себя-то и отказаться. Если нынешнее приятие «Санта-Барбары» — это вещь скорее психотерапевтическая, то в девяностые годы пристрастие к культуре по типу incredibly strange было фактом конкретной психиатрии. Стесняться как раз было надо — чтоб на фоне этого стеснения вымораживать холодные узоры собственного ошаления. То был безмерно комический, но все же вызов, сигнал обособленности (тогда вообще было в контркультурной моде понятие обособленного человека) и определенная проверка на прочность. Ключевое слово для трэш-культуры — эксплуатация. Это касалось в том числе и собственного рассудка. Да, массово напечатанный в те годы Сорокин заметил, что всякий сколь угодно субверсивный текст — всего лишь буковки на бумаге, но он не уточнил, что от этих якобы бессмысленных буковок можно-таки сойти с ума.

Чем больше я говорю, тем скорее убеждаюсь в том, что речь моя уверенно движется к тезисам Табакова-Щербука из известной киноленты Михалкова Н. С. — так недолго и сообщить, что чумазый играть может, и начать интересоваться, где, собственно, наша белая музыкальная кость. Во избежание этого я отмечу, что вообще-то цитировать на исходе 2021 года «Неоконченную пьесу для механического пианино» — вот уж занятие действительно стыдное. Однако ж какое-никакое удовольствие.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Неприличные удовольствия приличных людей

Стэнли Кубрик обожал «Симпсонов». Друзья, знавшие об этом, привозили ему из Америки кассеты с новыми сериями. Создатели мультсериала в свою очередь сделали оммаж Кубрику: Гомер вместе с бандой из «Заводного апельсина» врывается в дом из «С широко открытыми глазами», по которому разгуливают сумасшедший рядовой из «Цельнометаллической оболочки» и Барри Линдон.

Терренс Малик очень любит фильм **«Образцовый самец»** о теряющем популярность мужчине-модели и часто общается с друзьями и близкими цитатами из него. Бен Стиллер, режиссер фильма и исполнитель главной роли, узнав о любви Малика к «Образцовому самцу», однажды даже переоделся в костюм своего героя и записал видеопоздравление Малику на день рождения — тот пришел в полный восторг.

ПОЛ ТОМАС АНДЕРСОН В ИНТЕРВЬЮ THE WASHINGTON POST ЗАЯВИЛ, ЧТО ЕМУ ОЧЕНЬ ПОНРАВИЛСЯ ФИЛЬМ «ЛЮДИ В ЧЕРНОМ — 3», В КОТОРОМ СЕКРЕТНЫЕ АГЕНТЫ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ПРОШЛОЕ.

«ЭТО ЧЕРТОВСКИ ХОРОШО. ПУТЕШЕСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ ЗАСТАВЛЯЮТ МЕНЯ ПЛАКАТЬ. ОБОЖАЮ ТАКОЕ»

ИНГМАР БЕРГМАН БЫЛ БОЛЬШИМ ФАНАТОМ МЫЛЬНОЙ ОПЕРЫ «ДАЛЛАС». ОН ГОВОРИЛ, ЧТО НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ НИЧЕГО СТОЛЬ НЕВЕРОЯТНО ПЛОХОГО И СКУЧАЛ В ТЕ ДНИ, КОГДА НЕ БЫЛО НОВОЙ СЕРИИ. В ОДИН ИЗ СВОИХ ПРИЕЗДОВ В США ОН ДАЖЕ ХОТЕЛ ПОСЕТИТЬ СЪЕМОЧНУЮ ПЛОЩАДКУ «ДАЛЛАСА», НО ИХ ГРАФИКИ НЕ СОВПАЛИ.

LORIMAR PRODUCTIONS

Одним своих любимых фильмов **Дэвид Финчер,** наравне с «Лоуренсом Аравийским» и «8 с половиной», называл комедию **«Зверинец»** Джона Лэндиса. Фильм о противостоянии двух студенческих братств и их примитивных развлечениях вышел в 1978 году, был назван кинокритиками «одним из самых тупых фильмов в истории» и положил начало целому жанру тупых комедий о приключениях сексуально озабоченных студентов.

Умберто Эко в детстве зачитывался комиксами и подростком начал их сочинять и рисовать. Дело это оказалось очень выматывающим, поэтому ни один комикс Эко не закончил, но любовь к ним сохранил на всю жизнь и впоследствии посвятил им несколько работ. Любимым персонажем Эко был **Супермен** — точнее, его альтер эго Кларк Кент, скромный журналист, которого писатель считал главным героем произведения.

«Идентифицируя себя с таким персонажем, как Кларк Кент, любой бухгалтер в любом американском городке может тайно питать надежду, что в один прекрасный день из кокона его обыденной личности может вылупиться сверхчеловек»

Нил Гейман обожает хоррор-сериалы, а его любимый — **«Сумеречная зона»**. О его существовании Гейман узнал еще подростком из пересказов друга его отца, а впервые посмотрел только в 1980-х, когда ему было уже за двадцать,— и не разочаровался, хотя выходивший в начале 1960-х сериал к тому моменту был уже больше объектом телепародий.

ДЖЕЙН ОСТЕН ЧАСТО ИРОНИЗИРОВАЛА НАД ГОТИЧЕСКИМИ РОМАНАМИ, ПОПУЛЯРНЫМИ В ЕЕ ВРЕМЯ, И ДАЖЕ СОЗДАЛА ПАРОДИЮ НА ЭТОТ ЖАНР — «НОРТЕНГЕРСКОЕ АББАТСТВО». ЧТО, ВПРОЧЕМ, НЕ МЕШАЛО ЕЙ ЗАЧИТЫВАТЬСЯ ТАКИМИ РОМАНАМИ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕЙ ЖИЗНИ И ОБСУЖДАТЬ С РОДСТВЕННИКАМИ ПЕРИПЕТИИ СЮЖЕТА ТАК, КАК СЕЙЧАС ОБСУЖДАЮТ СЕРИАЛЫ.

DC COMICS

РОМАН ПОЛАНСКИ ОБОЖАЕТ КОМЕДИЙНЫЙ БОЕВИК «ЧАС ПИК» С ДЖЕКИ ЧАНОМ И КРИСОМ ТАКЕРОМ В РОЛЯХ НЕПУТЕВЫХ ПОЛИЦЕЙСКИХ, А ТАКЖЕ «ЧАС ПИК — 2». УЗНАВ ОБ ЭТОМ, РЕЖИССЕР ФРАНШИЗЫ БРЕТТ РАТНЕР ПРЕДЛОЖИЛ ПОЛАНСКИ ЭПИЗОДИЧЕСКУЮ РОЛЬ В ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ — ТОТ СЫГРАЛ НЕЛЕПОГО ФРАНЦУЗСКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО.

Джеймс Кэмерон признается, что любит пересматривать хоррор **«Обитель зла»** Пола Андерсона, экранизацию одноименной компьютерной игры об утечке опасного вируса и воспоследовавшем зомби-апокалипсисе. Фильм, как говорит Кэмерон, не только увлекательный, но еще и мастерски снят.

«Одно из моих стыдных удовольствий — фильм „Обитель зла“. Смотреть на Мишель Родригес, которая двигается как бешеное животное, чистое счастье»

Кэрри Фишер любила телевизионный фильм **«Звездные войны: Праздничный спецвыпуск»**, который был показан один раз 17 ноября 1978 года и в котором Фишер второй раз исполнила прославившую ее роль принцессы Леи. «Праздничный спецвыпуск» был первой — и провальной — попыткой монетизировать успех «Новой надежды» Джорджа Лукаса. По сюжету главные герои космической саги прилетают на родную планету Чубакки отмечать тамошний аналог Рождества. Полуторачасовой фильм разругали и создатели первых «Звездных войн» (Лукас в съемках спецвыпуска не участвовал), и критики, которые признали его худшим телепродуктом в истории.

«Это настолько плохо, что даже хорошо. Но для некоторых, конечно, смотреть это будет мучением похлеще, чем пытка водой»

20TH CENTURY FOX TELEVISION; LUCASFILM LTD.

Джон Карпентер обожает пропагандистский фильм 1952 года «Вторжение в США», в котором предсказатель будущего подвергает гипнозу не слишком патриотичных богачей — им начинает казаться, что коммунисты сбросили на США атомную бомбу и уничтожили половину страны. Карпентер говорит, что как раз во «Вторжении в США» впервые увидел, как на экране уничтожают Нью-Йорк. О последствиях такого уничтожения сам Карпентер снял фильм «Побег из Нью-Йорка» (1981).

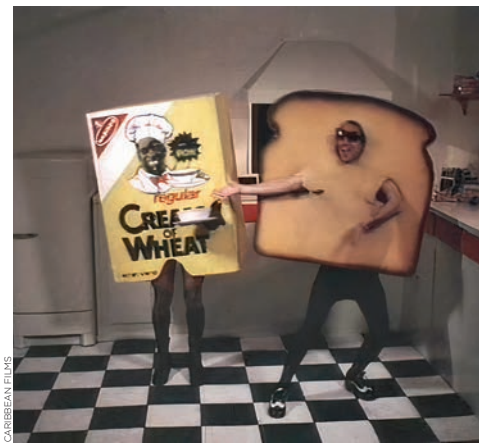
«Первостатейный трэш. Его надо показывать на уроках истории. А может, и на уроках киноведения»

Говард Хьюз так любил триллер **«Полярная станция „Зебра“»** о борьбе советских и американских шпионов в Арктике за секретные данные, что велел руководству принадлежавшего ему канала KLAS-TV показывать фильм чуть ли не через день. «Полярная станция „Зебра“» провалилась в прокате (главе выпустившей фильм студии пришлось уйти в отставку), критики ее разругали (Роджер Эберт назвал ее «настолько плоской и глупой, что два-три интересных момента за фильм вызывают только недоумение»), а Хьюз посмотрел фильм больше 150 раз.

Габриэль Гарсиа Маркес начал создавать **комиксы** еще до того, как узнал об их существовании: свой первый комикс о фокуснике, который отрезал голову своей жене, а потом приставил ее обратно, он нарисовал уже в четыре года, настоящий прочитал только подростком в воскресном приложении к газете La Prensa. Ради них Маркес даже устроился на скучную работу в типографию, так как мать разрешала ему тратить зарплату на комиксы о Тарзане, Баке Роджерсе и т. д. Уже став успешным писателем, Маркес продолжал читать комиксы и говорил, что своей литературной карьерой обязан как раз комиксам и Кафке.

Пон Чун Хо любит старые малобюджетные эротические хорроры, особенно **«Рикко»**, где полуголых женщин бросают в бочки с кислотой, и **«Франкенштейна-90»**, где чудище Франкенштейна занимается сексом с невестой Франкенштейна. Первый фильм Пон Чун Хо посмотрел еще подростком втайне от родителей на канале для американских военных в Южной Корее, а второй — во Французском культурном центре в Сеуле.

КРИСТОФЕР НОЛАН — БОЛЬШОЙ ФАНАТ «СУПЕР-МАКГРУБЕРА», КИНОПАРОДИИ НА ШПИОНСКИЕ СЕРИАЛЫ, В КОТОРОЙ БЫВШИЙ АМЕРИКАНСКИЙ СУПЕРАГЕНТ ВОЗВРАЩАЕТСЯ С ПЕНСИИ, ЧТОБЫ СПАСТИ МИР ОТ ПСИХА С ЯДЕРНОЙ БОМБОЙ. НА СЪЕМКАХ СОБСТВЕННЫХ КАРТИН НОЛАН ОБЩАЕТСЯ С АКТЕРАМИ ЦИТАТАМИ ИЗ «МАКГРУБЕРА», А КОГДА В ПРОШЛОМ ГОДУ БЫЛО ОБЪЯВЛЕНО О ЗАПУСКЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ В ВИДЕ СЕРИАЛА, НАПИСАЛ СОЗДАТЕЛЯМ, ЧТО МЕЧТАЛ БЫ ПОПАСТЬ К НИМ НА ПЛОЩАДКУ.

CARIBBEAN FILMS

Брайан Де Пальма — большой поклонник американского порно-хоррора **«Ночные мечты»**, в котором ученые с помощью электрических разрядов вызывают у пациентки эротические сны (в одном из них она занимается сексом с мужчиной, одетым в коробку из-под манной каши). По мнению Де Пальмы, «Ночные мечты» местами не уступают главным шедеврам сюрреализма.

Джим Джармуш очень любит низкобюджетный фантастический фильм **«Планеты против нас»** о роботе-гуманоиде, отправленном на Землю инопланетянами, чтобы подготовить инопланетное вторжение. Джармуш смотрел фильм только однажды, но запомнил, что один из героев был очень похож на Лу Рида. С тех пор он мечтал пересмотреть фильм, но так и не нашел его, хотя изучал для этого даже итальянские киноархивы.

Пол Шрейдер обожает фильм **«Две тысячи маньяков»** и включил его в десятку своих любимых кинокартин. В «Маньяках» жители южного американского городка заманивают к себе проезжих, чтобы принести их жертву в честь годовщины проигрыша в Гражданской войне. Шредер считает, что именно из этого фильма выросли «Бонни и Клайд» и все фильмы Сэма Пекинпа.

«Впервые посмотрев этот фильм, я понял, что я не очень хороший и не очень здоровый человек. Я был в полном восторге!»

АННА АХМАТОВА ЛЮБИЛА ЧИТАТЬ АНГЛИЙСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ В ОРИГИНАЛЕ И ГОВОРИЛА, ЧТО ЭТО ЕДИНСТВЕННЫЙ РОД ПЛОХОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, КОТОРЫЙ ОНА ПРИЗНАЕТ.

«ГОВОРЯТ, ЭТО ОЧЕНЬ ПОЛЕЗНО ДЛЯ ЯЗЫКА. ТУТ И БЫТ, ТУТ И СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ»

Александр Блок высоко ценил творчество куплетиста **Михаила Савоярова**, автора песни «Луна, луна, ты, наверное, пьяна», выступавшего в амплуа уголовника. Блок был частым посетителем его концертов, а Савояров знал о любви поэта и даже написал сатирическую пародию на его известное стихотворение «Ночь, улица, фонарь, аптека» — «Магазин, толпа, дешевка...».

«Зачем измерять унциями дарования александринцев, играющих всегда после обеда и перед ужином, когда есть действительное искусство в „миниатюрах“... Еще один кол в горло буржуям, которые не имеют представления, что под боком»

Василий Кандинский был большим ценителем **лубка** и собрал обширную его коллекцию. За некоторыми ему приходилось долго охотиться, однажды он писал своему приятелю Николаю Кульбину об очередном лубке: «В этом отношении я жаден без границ: был бы рад получить и плохой „страшный суд». Право, даже сердце бьется, как об этом подумаю».

Уистен Хью Оден высоко ценил детективные романы Реймонда Чандлера и даже написал об этом эссе в Harper's Magazine, где заявил, что Чандлер на самом деле занимается серьезным исследованием жизни преступных кругов. Узнав об этом, Чандлер был польщен.

Дженнифер Лоуренс обожает американские **реалити-шоу** и страдает, когда приходится пропускать очередной выпуск «Семейства Кардашьян», «Настоящих домохозяек» или «Мам в танце». Из британских реалити-шоу она предпочитает «Единственный путь — это Эссекс» о жителях провинциального города.

BUNIM-MURRAY PRODUCTIONS (BMP); RYAN SEACREST PRODUCTIONS; NETFLIX

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ ВЫШЕ ВСЕХ ХУДОЖНИКОВ ЦЕНИЛ НИКОЛАЯ ОРЛОВА — ЧЛЕНА ТОВАРИЩЕСТВА ПЕРЕДВИЖНИКОВ, ПИСАВШЕГО ДОВОЛЬНО ОДНОТИПНЫЕ КАРТИНЫ СО СЦЕНКАМИ КРЕСТЬЯНСКОГО БЫТА.

«ОРЛОВ — МОЙ ЛЮБИМЫЙ ХУДОЖНИК, ПОТОМУ ЧТО ПРЕДМЕТ ЕГО КАРТИН — МОЙ ЛЮБИМЫЙ ПРЕДМЕТ. ПРЕДМЕТ ЭТОТ — РУССКИЙ НАРОД, НАСТОЯЩИЙ РУССКИЙ МУЖИЦКИЙ НАРОД»

Николай Гоголь любил **неприличные и сальные истории**, например о борделях или распутстве. Он их собирал, а потом рассказывал в обществе — причем делал это всегда так мастерски, что о том, что они совершенно неприличны, слушатели, завороженные его умением рассказывать истории, узнавали в самый последний момент.

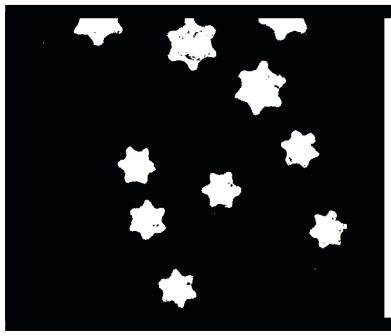
РОБИН УИЛЬЯМС ОЧЕНЬ ЛЮБИЛ ВИДЕОИГРЫ — ОСОБЕННО WORLD OF WARCRAFT И THE LEGEND OF ZELDA. В ЧЕСТЬ ГЛАВНОГО ПЕРСОНАЖА ПОСЛЕДНЕЙ ОН ДАЖЕ НАЗВАЛ СВОЮ ДОЧЬ.

Владимир Набоков был большим поклонником **Супермена**. О существовании комиксов он узнал после переезда в США от своего сына. Набоков так впечатлился Суперменом, что даже написал о нем поэму «Печаль человека завтрашнего дня». Он пытался опубликовать ее в The New Yorker, но ему отказали.

Я молод, соком жизни наделен
и, как нормальный юноша, влюблен —
но должен свое сердце я смирить,
иначе в браке я могу убить.
В порыве страсти я бы, как вулкан,
разнес невесту, номер, ресторан,
еще один, поменьше, за углом,
пяток машин — и, дай бог, все на том.
А коль она переживет ту ночь —
каких родим мы сына или дочь?
Какой кошмар явиться может нам,
размазав акушеров по стенам?

Киану Ривз любит аниме-сериал **«Ковбой Бибоп»** о жизни в замкнутом пространстве космического корабля. Актер надеется, что рано или поздно сыграет в киноверсии главного героя сериала Спайка Шпигеля и эта роль станет главной в его карьере.

София Коппола любит фильм **«Здравствуй, папа, Новый год!»**. Коппола утверждает, что незамысловатая комедия о том, как брат с сестрой принимают в семью нового мужа матери,— единственный фильм, которым она и ее дети наслаждаются в равной мере.

ЕДА
С ЕЛЕНОЙ
ЧЕКАЛОВОЙ

ХРУСТЯЩИЙ КАРТОФЕЛЬНЫЙ ГРАТЕН И ГРАНАТОВЫЕ ПЕРЕПЕЛКИ

О том, чтобы ваш новогодний стол получился нарядным и небанальным, я начала думать еще тогда, когда поздней осенью и в начале зимы давала вам рецепты интересных брускетт, пряной мухаммары из печеных болгарских перцев, и нежного воздушного форшмака. Помимо этих нарядных закусок у вас уже есть лучший и совсем не сложный рождественский десерт — ореховый тарт с карамелью, который к тому же можно сделать заранее. Остается придумать новое горячее блюдо — такое, чтобы от восторга умирали гости, а не вы от усталости.

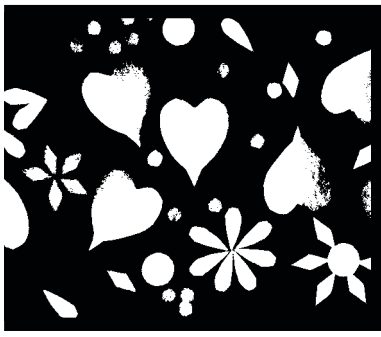
Пару лет назад я потратила довольно много усилий на великолепную утку-леденец — гости восхищались, но, к моему удивлению, сначала накинулись на аккомпанировавший ей ароматный золотой картофельный гратен. Да и потом, с чем бы я его ни подавала — с печеной рыбой или простой жареной курицей,— этот гарнир всегда начинал солировать. Да, это не совсем обычный картофельный гратен, но приготовить его — всего минут на пять дольше стандартного (в общей сложности 20 минут активной работы и около полутора часов в духовке).

В его основе — знаменитая старинная французская запеканка гратен дофинуа: тонкие ломтики картофеля, томленные в сливках с травами и чесноком и подрумяненные до золотистой корочки. Дофином обычно называют наследника престола, но ничего королевского в происхождении этого блюда нет. Название происходит от области Дофине (которая действительно когда-то принадлежала французскому престолу), а готовили его и богатые, и совсем бедные. И можно только удивляться, как из очень простых продуктов получается такое чудо: когда смотришь на готовый гратен, сразу начинаются приступы голода — и от вида, и от запаха. Но как только классический дофинуа начинаешь есть, немного расстраиваешься: золотая корочка все же слишком тонкая и почти не хрустящая, а сам картофель чересчур мягкий — на современный вкус ему чего-то не хватает. Когда я попробовала горный вариант картофельного гратена, я поняла, чего именно: острого сыра. Поближе к Альпам, в Савойе, тартифлет (местный вариант дофинуа) посыпают пикантным бофором, в соус добавляют сливочное масло и больше трав — и гратен получается очень насыщенным и хрустящим. Но самый хрустящий запеченный картофель — это шведский хассельбек (изобретен в 1950-х годах прошлого века в одноименном стокгольмском отеле): крупные картофелины надрезаются (не насквозь) гармошкой с тонкими ребрами, между которых закладывается смесь мягкого сливочного масла с чесноком и травами, и запекаются. Множество глубоких надрезов создают довольно большую хрустящую поверхность, а масло должно предохранять от высыхания. Тем не менее на практике картошка хассельбек суховата и не производит вау-эффекта. Но вот если соединить все три рецепта, гратен выходит феерическим. Делается он так.

Духовку ставим нагреваться до 200°C и готовим соус: просто смешиваем сливки, листочки тимьяна, рубленые иголки розмарина (если есть, можно добавить шалфей) и измельченный чеснок. Всыпаем 2/3 пахучего тертого сыра, солим и перчим по вкусу. Теперь надо подготовить картошку (покупайте по возможности крупную и продолговатой формы): моем, очень быстро чистим и нарезаем тоненькими кружочками — либо очень острым ножом, либо (и это быстрее всего и качественнее) при помощи терки-мандолины. Быстрота нужна, чтобы больше не опускать картошку в воду, спасая от потемнения (важно сохранить весь крахмал). Тонкие ломтики заливаем ароматной сливочно-сырной смесью и хорошо перемешиваем (я это делаю руками в перчатках, чтобы удобнее было втирать соус в картошку). Пока всё, кроме сыра,— как в гратен дофинуа. А вот теперь то, на что уходят лишние пять минут: надо брать пропитанные кружочки картофеля небольшими партиями и укладывать в форму для запекания вертикально, будто складывая картошку гармошкой. Эти картофельные ряды могут быть круговыми или прямоугольными — в зависимости от формы для запекания,— главное, укладывать ломтики очень плотно друг к другу и заполнить весь объем формы (картошки может потребоваться чуть больше или чуть меньше, чем указано в рецепте). После того как вся картошка будет уложена, ее надо полить стекшей сливочно-сырной смесью так, чтобы жидкость поднималась чуть выше середины ломтиков (если немного останется, зарезервируйте для следующей партии, которую, уверяю, вы захотите сделать уже на следующий день). Плотно запечатайте форму фольгой и отправьте в духовку на 45 минут (и кстати, эту часть можно сделать накануне, чтобы сэкономить время в новогодний вечер). Перед подачей картошку, уже без фольги, нужно печь еще минут 40. Потом посыпать оставшимся сыром, вернуть в духовку, увеличить температуру до 240°C и ждать, пока появится уверенная золотисто-коричневая корочка,— это еще примерно 15 минут.

НА 6 ПОРЦИЙ:

1. **Крупный картофель** (*около 1,8 кг*)
2. **Перепелки** (*6–12 штук*)
3. **Острый плавкий сыр, например грюйер** (*200 г*)
4. **Жирные сливки** (*500 мл*)
5. **Чеснок** (*6–7 средних зубчиков*)
6. **Соль, перец, оливковое масло, гранатовый соус наршараб, пряные свежие травы (тимьян, розмарин, шалфей), зерна граната для украшения**

ЕДА
С АЛЕКСЕЕМ
ЗИМИНЫМ

Дайте гратену немного отдохнуть — он просто обжигающий, а тем временем в той же горяченной духовке я, например, пожарю перепелок. У нас их почему-то боятся готовить — и зря. Знаете, в чем секрет хорошо приготовленной маленькой птички? Ее надо жарить очень недолго, минут 15 — вот и все. Чтобы получилась румяная корочка, лучше вначале на сковородке, а потом для нарядного «оперения» быстро глазировать в духовке (перепелки для оливье следует только запечь в духовке — 12–15 минут). А чтобы мясо не оказалось пресным, я предварительно держу тушки полчаса в соленаде (полстакана соли на два литра воды плюс любые травы и чеснок). Потом птичек надо обсушить бумажными полотенцами и связать (или скрестить) лапки и крылышки. Нагреть (до появления дыма) пару столовых ложек оливкового масла в просторной сковородке с толстым дном — и обжарить перепелок со всех сторон (около четырех минут). Обмазать гранатовым наршарабом (или густым уваренным апельсиновым сиропом), выложить на противень грудкой вниз и отправить в духовку на пять минут. Перевернуть, смазать наршарабом еще раз и запекать еще шесть минут.

На темно-золотом блюде с хрустящей и одновременно нежно-сливочной картошкой отливающие гранатовой глазурью и похожие на елочные игрушки маленькие птички. Рассыпьте по столу гранатовые зерна: во все времена они считаются символом изобилия, богатства, плодородия. Да пребудут с вами все эти блага в новом году!

CHEKALOVA.RU

КЛЕФТИКО

1. **Баранья нога** (*2 кг*)
2. **Лимон** (*2 штуки*)
3. **Белое вино** (*500 мл*)
4. **Орегано** (*5 г*)
5. **Розмарин** (*4 веточки*)
6. **Чеснок** (*8 зубчиков*)
7. **Черный молотый перец, соль** (*по вкусу*)

Чем дольше я живу, тем больше идея поступательного развития истории кажется мне неверной. Почему следующий год должен двигать нас вперед, а не откидывать, например, на полвека назад? В декабре мне исполнилось пятьдесят, но чувствую я себя на двадцать. Я подумал: может быть, это патология, но нет, довольно репрезентативный опрос показал, что большинство ощущает себя ровно так же. Мы дети с диабетом второго типа и сединой в бороду. В двадцать лет у меня лично было куда больше проблем, не физиологических, экзистенциальных. Но многие из них стоили того, чтобы разменять их на второй тип диабета.

Предполагается, что мы ждем от Рождества и Нового года обновления, но это ведь тоже не совсем верно. Иисус рождается каждый год заново ровно таким же, как и был, а Новый год — это просто условность, введенная или Юлием Цезарем, или Совнаркомом.

Если Сын Божий согласен на тысячелетнюю рутину, с какой стати мы с вами рассчитываем на новизну?

Наутро после пятидесятилетия я проснулся с сильного похмелья, но я бы не сказал, что в этом были какие-то оттенки грядущего. То есть я, конечно, пытался их различить, но даже адаптированный под персональные нужды календарь в айфоне не дал мне ни единого намека. Новый день с его точки зрения был ровно таким же, как старый. Может быть, звонков по зуму было меньше, потому что я их заблаговременно отменил.

После того как умерло большинство богов, у человека не осталось ничего кроме надежды. Как говорит русская поговорка, «надежда умирает последней».

И вот представьте на минуту, что она таки умерла. Надежда была антиваксером и продержалась, допустим, до индийского штамма. И все, ее больше нет, не пережила тромбоза.

И какие наши действия?

Мы по-прежнему будем нести на ее алтарь майонезные салаты и молочных поросят? Одеваться в красное, если год Быка, и не есть птицу в год Петуха?

А что если представить, что время остановилось, что больше нет календаря, что времени больше не будет?

Это, безусловно, тревожно и страшно. Это значит, что бронь British Airways на 12 февраля превращается в ваучер на неизвестный срок отправления. Это значит, что лыжи в итальянских Альпах превращаются в нечто неопределенное. Как и советы директоров, и, что приятно, налоговые отчеты. Как можно отчитаться по налогам за отчетный период, если времени больше нет?

Так жили древние греки, у которых один год не сменял другой в современном смысле этого слова, а перспектива ограничивалась видом на море, и земля была достаточно плоской, чтобы по ней было удобно перемещаться от острова к острову.

Я так и не добрался до греческих островов, а теперь уже и не знаю когда, нельзя ничего планировать в мире, где календарь рассыпается под гнетом планов. Но я знаю хороший рецепт греческой баранины. Вы берете баранью ногу, срезаете с нее, по возможности, весь жир и пленки, обильно посыпаете черным перцем, солью, орегано, лимонной цедрой, розмарином и давленым чесноком, кладете в форму для запекания, добавляете белого вина и лимонного сока, запечатываете фольгой и ставите в духовку, разогретую до 160°C на три часа. Потом снимаете фольгу, поднимаете температуру до 200°C и печете еще 40 минут.

И вот оно, в ваших руках чистое счастье, и не нужен ни бой курантов, ни надежда, ни что бы то ни было еще. У вас есть все. Здесь и сейчас. И неважно, какое нынче тысячелетье на дворе.

Алексей Зимин — главный редактор сайта «Афиша-Еда»

Британский связной

Bentley Flying Spur V8 — автомобиль новой экономики

Сложно создать автомобиль, который сочетал бы в себе брутальную силу, интеллигентную красоту и роскошь, не бросающуюся в глаза. Автомобиль для миллионера новой волны, представителя постиндустриальной экономики, Bentley Flying Spur V8 стал примером удачного воплощения в жизнь концепции современной роскоши

Мир впервые увидел эту модель на традиционном Женевском автосалоне весной 2005 года. Это был хороший год для всех: экономика росла во всех странах, до глобального кризиса, вызванного лопнувшим ипотечным пузырем в США, оставалось еще долгих два года, и даже в России приток иностранных инвестиций в 2005-м впервые превысил вывод денег из страны.

Спрос на роскошь — не ту, что с позолотой и барочными формами, а современную, роскошь новой экономики — стабильно рос, и Bentley была просто жизненно необходима машина уровня уже зарекомендовывавшей себя модели Azure, но отвечающая новым требованиям. Тогда-то и появилась модель Continental Flying Spur, «летящая шпора» — очередной удачный результат объединения дизайнерских подходов и филигранного мастерства британской Bentley с инженерным гением немецкой Volkswagen Group.

Дебютировав 16 лет назад, Flying Spur, разумеется, и не думал останавливаться в развитии. Уже в 2013 году на свет появилось новое поколение. Этот автомобиль избавился от обозначения Continental в названии, как бы подчеркивая самостоятельность модельного ряда роскошного седана.

Сегодняшний Flying Spur — это, безусловно, стандарт качества, как говорят представители новой экономики, benchmark для автомобилей люксового сегмента. Идеальное соотношение сверхсовременной инженерии и внимания к мировой экологической повестке с традициями штучного производства и мастерством, которым никогда не овладеет ни один промышленный робот.

В популярном американском ситкоме «The Big Bang Theory» герой-индус как-то роняет фразу: «Нет, конечно, я этого никогда сам не делал, в доме ведь много слуг» — и в комнате повисает напряженная тишина. Его друзья — молодые ученые, те, кому предстоит стать владельцами «единорогов» Силиконовой долины,— не могут понять и принять вот этого «много слуг». Новое поколение предпринимателей и инвесторов живут уже в другой реальности и другой системе ценностей, и для них самому водить удобную и надежную машину куда привычнее, чем дремать на заднем сиденье.

Собственно, именно для такого покупателя и сделан Flying Spur, в равной степени удобный для пассажира заднего дивана и того, кто сидит за рулем. Bentley, кстати, провели любопытное исследование и выяснили, что, хотя их современные клиенты предпочитают водить автомобиль самостоятельно, примерно 40% из них хотя бы раз в неделю возят и пассажиров на заднем сиденье.

Но вернемся к нашей машине, той самой Flying Spur V8, которая появилась лишь в этом году.

Как очевидно из названия модели, главная ее отличительная особенность — двигатель V8. И хотя цилиндров в нем на треть меньше, чем в старшей версии, этот мотор развивает мощность 550 л. с. с максимальным крутящим моментом 770 Нм при частоте вращения коленчатого вала менее 2000 об/мин. Более того, для экономии топлива, при низкой нагрузке, когда крутящий момент не превышает 235 Нм, а частота вращения коленчатого вала — 3000 об/мин, четыре цилиндра из восьми просто отключаются. Весь процесс отключения и последующего включения в работу цилиндров занимает 20 миллисекунд. Много это или мало? Моргните: так вот 20 миллисекунд — это в 10 раз меньше времени моргания. А топлива с четырьмя рабочими цилиндрами автомобиль расходует на 16% меньше, чем при работе в полную силу.

Большую мощность двигателя с высоким крутящим моментом удалось обеспечить во многом за счет оригинального турбонагнетателя. Фирменная конструкция

ФОТОГРАФИИ В МАТЕРИАЛЕ: COURTESY OF BENTLEY

twin-scroll — это два раздельных параллельных канала в корпусе турбины, а сами турбонагнетатели установлены в развале блока цилиндров, благодаря чему расстояние, которое преодолевают отработавшие газы на пути от двигателя к турбинам, очень мало. С турбонаддувом такой конструкции высокий крутящий момент доступен даже при низкой частоте вращения коленчатого вала.

Марка Bentley всегда заслуженно гордилась своим особым отношением к конструкции подвески. Не так просто сделать шасси, способное надежно удерживать автомобиль, разгоняющийся до 318 км/ч, но вместе с тем обязанный обладать мягким и плавным ходом. Даже в базовой версии Flying Spur есть впечатляющий набор инженерных решений, направленных на достижение поставленных задач: адаптивная пневматическая подвеска, функция перераспределения крутящего момента посредством притормаживания колес, система управления динамикой Drive Dynamics Control и электрическая регулировка рулевого управления. Кстати, пневмобаллоны, обеспечивающие мягкость подвески, здесь в полтора раза больше, чем на предыдущей модели Flying Spur. Кроме того, этот набор можно дополнить опциональной системой активного подавления кренов (Bentley Dynamic Ride) и электронной системой управления всеми колесами. Dynamic Ride работает от собственной системы электроснабжения напряжением 48 В и подавляет поперечные крены, защищая пассажиров от толчков при проезде неровностей дороги за счет отсоединения стабилизаторов соответствующих колес.

Инженерные решения — это то, что спрятано под красивой обложкой, и в идеале покупателю Bentley вообще никогда не надо заглядывать под капот. Разве что из любопытства. Его глаз должно радовать совершенно другое. Например, декоративная вставка из шпона, расположенная по всей длине передней панели и переходящая на двери,— фирменный элемент дизайна Flying Spur, визуально заметно расширяющая салон. Шпон, кстати, можно заменить на глянцевый углепластик — словно специально для поклонников сиквела «Звездные войны». Вообще количество вариантов отделки с трудом поддается подсчету. Еще один узнаваемый элемент дизайна — трехгранный поворотный дисплей: такого нет ни в одном другом автомобиле на нашей планете. При нажатии запуска двигателя облицованная шпоном панель поворачивается, открывая 12,3-дюймовый сенсорный экран. На третьей грани дисплея расположены аналоговые шкалы термометра, компаса и хронометра.

Казалось бы, что еще можно добавить в этот совершенный автомобиль? Оказывается, можно: пусть не кофеварку, но холодильник. Разумеется, адаптированный под конкретную продукцию. Небольшой, расположенный между задними сиденьями, он вмещает две бутылки шампанского.

А большего, согласитесь, обладателю такой машиной и не надо.

Текст: Алексей Харнас

Партнерский материал

ЗВЕРИ
С ОЛЬГОЙ ВОЛКОВОЙ

СИНИЙ ТИГРОВЫЙ ПОПУГАЙ

В ближайшие пару недель все мы обречены помнить, что наступающий 2022 год восточными мудрецами определен как год Тигра, причем водяного и голубого (а в некоторых вариациях — черного). Впрочем, черный или голубой — да какая разница? Где они в своих Китаях такого видели? Да чтоб он был еще и водяным? Ну да, тигры относятся к воде не с таким отвращением, как прочие кошачьи, однако это не делает их такими уж водяными. В общем, символом года нам назначено мифическое животное, такого в квартиру не приведешь и домашнего любимца из него не сделаешь. Просто потому, что его не бывает.

Впрочем, даже самого обыкновенного, реального тигра вряд ли разумно записывать в четвероногие друзья — если вы, конечно, не брат Запашный или Джо Экзотик. А то, что некоторые в своих домашних зоопарках порой содержат кого угодно, хоть львов, хоть тигров, хоть горилл — это нам не должно служить примером. Словом, пришлось нам искать тигру пристойную замену в виде кого-нибудь слегка тигрового.

Было у меня искушение порекомендовать вам в качестве новогоднего подарка тигровую акулу — она безусловно водяная и даже до некоторой степени голубая, хотя на самом деле скорее серая. Но все же там жуткие зубы, пять метров длины, потребность в гигантском бассейне, да еще и дурной нрав. С такой подружиться еще сложнее, чем с тигром: тигр, может, еще вас и не сожрет, а эта рыбка сожрет обязательно, вы только дайте ей такую возможность. А чтоб не сожрала, придется нам пойти по стопам поклонников творчества Дэмиена Хёрста и прикупить акулу в формальдегиде. Это, конечно, искусство. Но все же… Какая гадость!

В общем, все шло к тому, что в качестве новогоднего зверя я буду вынуждена предложить вам очередную кошку, но в полосочку. И возможно, даже голубоватую — есть у кошек такой окрас. Или черную, таких вообще полно. Но водяную? С этим намечались проблемы.

Но тут на нашем жизненном пути попался идеальный вариант: рыбка синий тигровый попугай. Он же — сапфировый мини-попугай, полярно-синий попугай или попугай-зебра. Однако мы, разумеется, остановимся на тигровом варианте.

В природе синие тигровые попугаи обитают… Нигде они не обитают, в природе их не существует: этот вид рыбок — искусственно созданный гибрид. Причем гибрид относительно свежий, сотворенный всего-то лет пять-шесть назад. И случилось это где-то в Азии — скорее всего, на Тайване, но это не точно, потому что все засекречено. Засекречены и прародители нашего попугая — похоже, мир аквариумистов блюдет свои тайны не хуже разработчиков новейшего гиперзвукового оружия. Ясно одно: наш тигр принадлежит к цихлидам, или цихловым (Cichlidae), многочисленному семейству класса лучеперых рыб. Разнообразные цихлиды вольно живут в пресных или немного солоноватых водоемах чуть ли не по всему миру. В смысле, чуть ли не по всему теплому миру. Даже у нас на юге были обнаружены представители этого семейства, но в России они, конечно, никакие не аборигены, а просто потомки рыбок, каким-то образом сбежавших из аквариумов и как-то здесь устроившихся.

Да, авторы этой прелестной рыбки не пожелали разглашать историю ее происхождения, однако знающие люди почти уверены: синий тигровый попугай рожден от союза красного попугая и чернополосой цихлазомы! При этом красный попугай, который, вопреки очевидному, вовсе не обязан быть исключительно красным, сам по себе тоже гибрид. Эта искусственно выведенная аквариумная рыбка, состряпанная из нескольких других цихлазом (цихлазомы — род рыб семейства цихлидовых, но там, в этих родах и семействах, постоянно что-то перетасовывают, поэтому давайте не будем вдаваться в утомительные подробности), получилась довольно большой, до 25 сантиметров ростом, очень хорошенькой и с милым нравом. Этот попугай отличается мягким и дружелюбным характером и обычно не обижает даже более мелких товарищей по водному мирку.

А вот вторая предполагаемая половина нашего тигра — чернополосая цихлазома — существо вполне натуральное, испокон веков населявшее ручьи и озера Никарагуа, Гватемалы, Гондураса. Панамы и Коста-Рики. Ростом она сантиметров в 10–15, вся такая серебристая и в полосочку. Вот кто наградил синего попугая тигровой раскраской!

Такие вот, видимо, у нашего тигра родители. Интересно, а как предположительно тайваньским изобретателям удалось уговорить крупного степенного красного попугая вступить в интимную близость с довольно резкой и местами агрессивной чернополосой малюткой? Или не было у них никакой интимной близости, а были всего лишь биологи, или ихтиологи, или просто ученые-аквариумисты, вооруженные пипеткой — или что там еще нужно для искусственного оплодотворения икринок? То есть обошлось вообще без романтики? Как-то это грустно.

Ну зато рыбка получилась вовсе не грустная, а совершенно прелестная — маленькая, сантиметров в пять-шесть, ярко-голубая, крепенькая, с толстым спинным плавником и нарядными полосочками. И с вполне «попугаистой» физиономией, чрезвычайно горбоносой, и правда напоминающей клюв какого-нибудь ары. Да еще и губки у нее смешные, пухлые, будто бы все время сложенные для поцелуя. В общем, симпатичная рыбка, украшение любого аквариума.

Причем украшение вполне неприхотливое. Только аквариум нужен достаточно просторный — сам тигр пусть и невелик, но совать его в банку из-под соленых огурцов негуманно. А вот шестидесятилитровая емкость для пары этих рыбок будет вполне комфортной. Разумеется, до тех пор пока (и если) они не начнут размножаться и их поголовье не примется расти. Между прочим, в отличие от многих других искусственно созданных помесей, эти гибриды размножаются достаточно охотно — видимо, это наследство чернополосой цихлозомы, известной своей непринужденной плодовитостью.

Идеальная для них температура воды — 25–28°С, впрочем, некоторые ее колебания их тоже не слишком огорчат, эти малыши совсем не капризны, вовсе не уж так хрупки и умеют приспосабливаться если не ко всему, то ко многому. Само собой, всякие аквариумные прибамбасы вроде фильтра для воды и системы аэрации им нужны, ну так они всем нужны, без такого оборудования рыбок не посодержишь. Растения в аквариуме их обычно не слишком интересуют, они не из тех рыб, что непрестанно все ощипывают и обкусывают, однако и возражать против зелени в своем доме они не станут. Так и для вас будет красивее, и для них интереснее — все же куда увлекательней плавать не просто так, в пустоте, а среди широких листьев, а также некоторого разумного количество гротов и декоративных коряг.

Попугаи — рыбки достаточно умные и вполне любопытные, они, как правило, довольно быстро начинают узнавать своего хозяина и при его появлении подплывают поближе к стеклу и увлеченно следят за человеческими телодвижениями. Возможно, они надеются на еду, а может, им просто интересен мир за пределами их стеклянного дома. В любом случае, пока они смотрят на вас, вы будете смотреть на них. А успокоительное любование жизнью столь красивых существ — это и есть главный смысл обладания аквариумом. Если вы не заводчик, разводящий рыбок на продажу (в наших краях синие водяные тигры идут рублей по 400–1500, такой вот разброс цен), никакой практической пользы от них вам нет, одно только эстетическое наслаждение и умиротворение духа.

Еда им годится любая, они с удовольствием слопают и сухой корм, и живое угощение типа мотыля или маленьких креветок, поэтому в одном с ними аквариуме креветочек содержать не рекомендуется. Как и мелких улиток — этих они тоже могут съесть. Крупных рыб к ним подсаживать тоже не стоит — в этом случае уже наши тигры могут пойти на обед более сильным и зубастым сожителям. Ну а с большинством соседей своих размеров эти попугаи обычно уживаются неплохо — особенно если они все заселились одновременно и, разумеется, если сосед не отличается особой кровожадностью (я бы не рискнула отправлять кротких тигров в аквариум даже с самыми крошечными пираньями).

А они и правда кроткие — синие тигровые попугаи считаются рыбками со спокойным и неагрессивным нравом. Правда, многим цихлидам свойственна некоторая территориальность, особенно обостряющаяся в период размножения. Бывало, что маленькие тигры, защищая потомство, буквально тиграми набрасывались на куда более крупных соседей. И между прочим, отгоняли их куда подальше.

Поскольку синий тигровый попугай — изобретение относительно новое, срок его жизни пока точно не известен. Скорее всего, он сумеет прожить лет десять и даже больше. А это значит, что следующий год Тигра вы вполне можете встретить во всеоружии: у вас уже будет тигр, пусть старенький, но свой.

Впрочем, судя по всему, 2034 год, если он вообще наступит, будет посвящен тигру не только зеленому или синему, но еще и деревянному. Что ж — тогда я, наверное, предложу вашему вниманию тигрового питона: он оливковый, то есть почти зеленый, и может красиво свисать с деревьев, а потому его можно считать в некотором смысле деревянным.

Тут главное, чтобы мы до этого дожили, чего я всем нам и желаю.

Чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью

название	адрес
БАРЫ	
Бар-буфет «Николай»	Пятницкая ул., 53
	Ст. Басманная ул., 5, стр. 1
	Тверская ул., 30/2, стр. 5–6
Lumberjack	Б. Спасоглинищевский пер., 3, стр. 5
ГОСТИНИЦЫ	
«Аквариум»	МО, г. Красногорск, Международная ул., 20
«Аминьевская»	Аминьевское ш., 5
«Балчуг Кемпински Москва»	Балчуг ул., 1
«Будапешт»	Петровские Линии ул., 2/18
«Времена года»	Б. Кисловский пер., 1, стр. 2
	В. Радищевская ул., 14/21, стр. 3
Гостиница «Арбат»	Плотников пер., 12
Гостиница «Парк Тауэр»	Дмитровское ш., 27, корп. 1
Гранд Отель «Белорусская»	Бутырский Вал ул., 5
Исторический Отель «Советский»	Ленинградский просп., 32/2
Конгресс-отель «Ареал»	МО, Ногинский р-н, д. Новая Купавна, мест. Родинки, Сиреневая ул., 21, стр. 1
Конгресс-парк «Волынское»	Староволынская ул., 9
«Митино»	Пятницкое ш., 18
Отель «Брайтон»	Петровско-Разумовский пр-д, 29, стр. 4
Отель «Броско»	Новый Арбат ул., 21, стр. 2
Отель «Веллион Павелецкая»	Бахрушина ул., 21, стр. 4
Отель «Веллион Сухаревский»	Б. Спасская ул., 13, стр. 1
Отель «Де Пари»	Б. Бронная ул., 23, стр. 3
Отель «Минима»	Лесная ул., 20, стр. 2
Отель «Новый Берег»	МО, Мытищинский р-н, д. Болтино, В. Прибрежная ул., 10
Отель Novotel Москва Киевская	Киевская ул., 2
«Первомайская»	Н. Первомайская ул., 77
«Петр I»	Неглинная ул., 17, стр. 1

название	адрес
«Петровский Путевой Дворец»	Ленинградский просп., 40
«РАЙКИН Плаза»	Шереметьевская ул., 6, корп. 1
«Салют»	Ленинский просп., 158
Санаторий «Валуево»	поселение Филимонковское, п. Валуево
«СеверСити»	Паршина ул., 16
«Сокольники»	Боевская ул., 6
«СтандАрт»	Страстной б-р, 2
«Юность»	Хамовнический Вал ул., 34
«Ярославская»	Ярославская ул., 8, корп. 1
Azimut Moscow Olympic Hotel	Олимпийский просп., 18/1
Barvikha Hotel&Spa	МО, Одинцовский р-н, дер. Барвиха, 114
DoubleTree by Hilton Moscow – Marina Hotel	Ленинградское ш., 39, стр. 1
Chez Michel Hotel	Красная Пресня ул., 13, 5-й этаж
Combo Ibis Budget Moscow Panfilovskaya and Ibis Moscow Oktyabrskoye Pole	Маршала Рыбалко ул., 2/5
Crowne Plaza Moscow – Tretyakovskaya	Озерковская наб., 26
Four Seasons Hotel Moscow	Охотный Ряд ул., 2
Hilton Garden Inn Moscow Krasnoselskaya	В. Красносельская ул, 11А, стр. 4
Hotel Gentalion	1-я Брестская ул., 38, стр. 1
Ibis Moscow Domodedovo Airport Hotel	МО, г. Домодедово, 40-й км трассы А-105, стр. 3
ILotte Hotel Moscow	Новинский б-р, 8, стр. 2
InterContinental Moscow Tverskaya	Тверская ул., 22
Mamaison All-Suites Spa Hotel Pokrovka	Покровка ул., 40, стр. 2
Metropol Hotel Moscow	Театральная пл., 2
Movenpick Москва Таганская	Земляной Вал ул., 70
Novotel Moscow City	Пресненская наб., 2
Palmira Business Club	Новоданиловская наб., 6
Palmira Garden Hotel&SPA	МО, Ленинский р-н, г. Видное, Школьная ул., 92

название	адрес
Radisson Blu Sheremetyevo airport	МО, г. Химки, Международное ш., вл. 1А
Radisson Collection Hotel, Moscow	Кутузовский просп., 2/1, стр. 1
St. Regis Moscow Nikolskaya	Никольская ул., 12
SUNFLOWER ПАРК ОТЕЛЬ	Кировоградская ул., 11
КАФЕ, КОФЕЙНИ, ПИЦЦЕРИИ	
«3 Сыра»	МО, г. Долгопрудный, Лихачевский просп., 74
«Академия»	Б. Бронная ул., 2/6
	Аргуновская ул., 3, корп. 1, БЦ «На Аргуновской»
	Бутиковский пер., 7
	Камергерский пер., 2, стр. 1
«Бейрут»	Машкова ул., 22
Бистро «Фантазеры»	Ленинский просп., 61, стр. 1
«Булка»	Покровка ул., 19
	Б. Грузинская ул., 69
«Буфет»	Александра Солженицына ул., 46
«Де Марко»	Смоленская-Сенная ул., 23/25
	Ленинский просп., 13
	Садовая-Триумфальная пл., 4–10
Кафе «Булошная»	Лялин пер., 7/2, стр. 1
Кафе «На Басманной»	Старая Басманная ул., 34
Кафетериус №3 Артемия Лебедева	Волгоградский просп., 32, корп. 11
«Лампа»	Рублевское ш., 91, корп. 4
«Пикассо»	Миклухо-Маклая ул., 15
«Пицца. Паста. Гриль»	МО, г. Королев, Космонавтов просп., 1Г
«Скалка»	Лавочкина ул., 34
	Рубцовская наб., 2, корп. 1
	Шелепихинская наб., 34, корп. 3
	Родионовская ул., 10
	Дмитровское ш., вл. 107, корп. 2
	Нижегородская ул., 25
«СУП-КАФЕ»	Скаковая ул., 17, стр. 2
«Чайковский»	Триумфальная пл., 4/31
Чайхона №1 братьев Васильчуков	Пятницкое ш., 3
	г. Балашиха, Парковая ул., 4А
	Ленинградское ш., 16А, стр. 4, ТЦ «Метрополис», 3-й этаж

Чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью

Где взять Weekend

название	адрес
	Рублевское ш., 52А, ТЦ «Западный»
Blueberry hills	МО, Одинцовский р-н, д. Жуковка, Рублево-Успенское ш., 201
Degustator	Пресненская наб., 12
ELEVEN	Арбатская пл., 14, стр. 1
Mastersuit	Пречистенка ул., 13
Modus Cafe and Pizzeria	1-й Тружеников пер., вл. 4
Molletta – Pasta&pizza	Щепкина ул., 32, стр. 1
Nomero Uno	Денежный пер., 8-10
Roaster coffee&wine	Бауманская ул., 7
Roco Bay Café	Донецкая ул., 34, корп. 1
StrEAT	Ленинская Слобода ул., 26
THE RAKI	МО, Одинцовский р-н, с. Дубки, Можайское ш., 38/1, 2-й этаж
ФИТНЕС-КЛУБЫ	
«ЭЛС клуб»	Иваньковское ш., 5
Pride Wellness Club	МО, Ильинское ш., п. Жуковка-21, 52
«TERRASPORT Коперник»	Б. Якиманка ул., 22, корп. 3
Riviera Fitness & SPA	МО, Одинцовский район, 2-е Успенское ш., 23 км, п. Николино
Wellness Club VITASPORT	Живописная ул., 21, корп. 2
УСЛУГИ	
Барбершоп TOPGUN	Веневская ул., 6, ТЦ «Бутово Молл»
Бизнес-парк «Орджоникидзе 11»	Орджоникидзе ул., 11, стр. 44
БЦ «Деловой Дом»	Воздвиженка ул., 4/7, стр. 2
Велнес-клуб «Чистые пруды»	Чистопрудный б-р, 12, стр. 1
Галерея «Артефакт»	Пречистенка ул., 30/2
«Европейская Клиника»	Духовской пер., 22Б
Институт репродуктивной медицины REMEDI	Шмитовский пр-д, 3, стр. 1
Клиника «Медицина»	2-й Тверской-Ямской пер., 10
«Медицина 24/7»	Автозаводская ул., 16, корп. 2

название	адрес
Медицинский Центр ООО НАТАЛИ-МЕД	Маршала Катукова ул., 6
Медицинский центр «ПрофМедЛаб»	1-й Красногвардейский пр-д, 12, стр. 3
Медицинский центр GMT Clinic	Новинский б-р, 20А, стр. 9
Медицинский центр MedSwiss	Ленивка ул., 4
«Московский городской Гольф Клуб»	Довженко ул., 1, стр. 1
Мужская цирюльня «Долгоруковъ»	МО, Истринский р-н, д. Новинки, 115, стр. 5, ТРК «Павлово Подворье» Х.О.
Салон красоты «Альто Сенсо»	Остоженка ул., 5 Тверской б-р, 3
Салон красоты Iris	Зои и Александра Космодемьянских ул., 4, корп. 1
«Сандуновские бани»	Неглинная ул., 14, стр. 3–7
Стоматологическая клиника «Лимко Дент»	Дубнинская ул., 3
Borodach_ kantim	Москворечье ул., 4, корп. 6
Creative Service Band Subcription Agency	Пресненская наб., 12
KELIA. BUSINESS CLUB	Воздвиженка ул., 7/6, стр. 1
Simpladent	Руставели ул., 14, стр. 9
АВТОСАЛОНЫ И АВТОСЕРВИС	
«Автомир» на Дмитровском шоссе	Дмитровское ш., 98, стр. 1
«Автомойка №1»	Севастопольский просп., 54Г
Автосалон «Авилон Мерседес»	Воздвиженка ул., 12
«АвтоСпаСтудия»	Нежинская ул., 5Б
Автотехцентр «Авто-Планета»	Беломорская ул., 40, территория 15-го ТМП
Голд Стар Моторс	Мясищева ул., 2, стр. 1
Дилерский центр Lexus-Измайлово	Горьковское ш., 1-й км МКАД
Дилерский центр «Мерседес»	Волгоградский просп., 41, корп. 1 Автозаводская ул., 23, корп. 5
Дилерский центр «Мерседес-Бенц» – официальный дилер «Мерседес-Бенц»	Горьковское ш., 1-й км МКАД «ПАНАВТО» – 50-й км МКАД МО, Одинцовский р-н, д. Жуковка, 71А 1-й Магистральный пр-д, 9

название	адрес
Дилерский центр «Мерседес-Бенц Авилон Легенда»	Волгоградский просп., 43, корп. 2 Автозаводская ул., 23, корп. 5
ПАНАВТО-AURUS – официальный дилер «Мерседес-Бенц»	Пресненская наб., 10, стр. 2
Специализированный автосервис Honda и Acura	Космонавта Волкова ул., 26А
Favorit Motors	Автосалон SEAT, Коптевская ул., 69А Автоцентр SsangYong, Коптевская ул., 69А, стр. 3 Автоцентр KIA, Коптевская ул., 69А, стр. 2 Автоцентры Skoda, Peugeot, SsangYong, 1-й Дорожный пр-д, 4, стр. 1 Автоцентры Chevrolet, SsangYong, KIA, Peugeot, Коптевская ул., 69А Автоцентры Skoda, Коптевская ул., 71 Автоцентр KIA, Рязанское ш., 46 (г. Люберцы) Автоцентры Citroen, Peugeot, KIA, SsangYong, 2-й км МКАД (внешний радиус), г. Реутов Автоцентр Skoda, Каширское ш., 61А, стр. 3, АТЦ «Москва», 2-й этаж Автоцентр KIA, Ленинский просп., 146 Автоцентр KIA, Б. Семеновская ул., 42/2 Автоцентр Ford, Клары Цеткин ул., 24 Автоцентр Volvo, Коптевская ул., 71 Дилерский центр Chevrolet, Коптевская ул., 69А, стр. 1 Дилерский центр Citroen, Коптевская ул., 71 Дилерский центр Opel, Коптевская ул., 69А, стр. 1 Дилерский центр Opel, Chevrolet, Б. Семеновская ул., 42/2, стр. 4

Чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью

Р И М Реклама

BVLGARI

ROMA

BVLGARI.COM

МОСКВА • САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • АЛМАТЫ • БАКУ • КИЕВ

РЕКЛАМА DIOR.COM - 8 800 550 68 85

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И СПОРТА ГРЕЦИИ - ОДАП - ХРАМ ЗЕВСА, НЕМЕЯ

DIOR

РЕКЛАМА · DIOR.COM · 8 800 550 68 85

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И СПОРТА ГРЕЦИИ - ОДАП - ХРАМ ЗЕВСА, НЕМЕЯ

DIOR

16+

НОВЫЙ

переоделись,
но не переобулись

реклама